

**246. ВООРУЖЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ТЕРРИТОРИИ КОНГО
(ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА КОНГО против УГАНДЫ)
[РЕПАРАЦИИ]**

Краткое изложение решения от 9 февраля 2022 года

9 февраля 2022 года Международный Суд вынес решение по вопросу о репарациях в деле *Вооруженная деятельность на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды)*. В своем решении Суд установил сумму компенсации, причитающейся к выплате Республикой Уганда Демократической Республике Конго.

Суд заседал в следующем составе: Председатель Донохью; Вице-Председатель Геворгян; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Юсуф, Сюэ, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Салам, Ивасава, Нольте; судья *ad hoc* Доде; Секретарь Готье.

*

* *

История судопроизводства (пункты 1–47)

Суд напоминает, что 23 июня 1999 года Демократическая Республика Конго (далее — «ДРК») подала в Секретариат Суда заявление о возбуждении дела против Республики Уганда (далее — «Уганда») в отношении спора в связи с «актами *вооруженной агрессии*, представляющими собой вопиющее нарушение Устава Организации Объединенных Наций и Устава Организации африканского единства» (эμφαза в оригинале). Он также отмечает, что Уганда предъявила три встречных требования, два из которых были признаны приемлемыми в качестве таковых.

Далее Суд заявляет, что в своем решении по существу дела от 19 декабря 2005 года (далее — «решение 2005 года») он установил, что Уганда нарушила определенные обязательства, лежащие на ней, и обязана выплатить ДРК репарацию за причиненный ущерб.

В отношении встречных требований, предъявленных Угандой, Суд установил, что ДРК нарушила определенные обязательства, лежащие на ней, и обязана выплатить Уганде репарацию за причиненный ущерб.

Затем Суд отмечает, что в своем решении 2005 года он далее решил, что если стороны не достигнут согласия между собой, то вопрос о причитающихся репарациях будет урегулирован Судом.

В этой связи он напомнил, что в мае 2015 года ДРК ходатайствовала о возобновлении разбирательства, и Суд принял решение сделать это постановлением от 1 июля 2015 года.

Суд заявляет, что постановлением от 8 сентября 2020 года он распорядился организовать экспертизу в соответствии со статьей 67 его Регламента по трем видам ущерба, на который ссылается заявитель, а именно гибель людей, утрата природных ресурсов и материальный ущерб. Постановлением от 12 октября 2020 года он назначил четырех экспертов: г-жу Дебарати Гуха-Сапир, г-на Майкла Неста, г-на Джеффри Синогласа и г-на Хенрика Урдала. В декабре 2020 года они представили свои отчеты, которые были направлены сторонам на предмет их замечаний.

Затем Суд напоминает, что 20–30 апреля 2021 года состоялись открытые слушания по вопросу о репарациях, проведенные в гибридном формате.

Наконец, Суд отмечает, что в конце слушаний представитель Уганды сообщил, что его правительство «официально отказалось от своего встречного требования в отношении репарации за ущерб, причиненный действиями вооруженных сил ДРК, включая нападения на дипломатические помещения Уганды в Киншасе и грубое обращение с угандийскими дипломатами».

I. Введение (пункты 48–59)

Отметив, что Суду надлежит определить характер и сумму репараций, подлежащих выплате ДРК за ущерб, причиненный в результате нарушений Угандой ее международных обязательств, в соответствии с выводами, которые он изложил в решении 2005 года, Суд вначале напоминает определенные факты и заключения, приведшие к тому, что он возложил на Уганду международную ответственность в этом решении, отметив, что он напомнит контекст и другие относящиеся к делу соответствующие факты более подробно при изложении общих соображений по вопросу о репарациях (часть II, раздел A) и при рассмотрении требований ДРК о возмещении различных видов вреда (части III и IV).

II. Общие соображения (пункты 60–131)

A. Контекст (пункты 61–68)

Напомнив позиции сторон, Суд заявляет, что контекст настоящего дела особенно актуален для анализа фактов. Прежде всего это дело касается одного из самых сложных и смертоносных конфликтов, имевших место на Африканском континенте. На территории ДРК в период с 1998 по 2003 год действовало множество субъектов, включая вооруженные силы различных государств, а также иррегулярные вооруженные силы, которые часто действовали совместно с осуществляющими вмешательство государствами.

Затем Суд подчеркивает то, что это дело отличается нарушением Угандой некоторых из самых основополагающих принципов и норм международного права, а именно принципов неприменения силы и невмешательства, международного гуманитарного права и основных прав человека. Ее действия привели к массовым посягательствам на эти права и к серьезным нарушениям международного гуманитарного права в форме, в частности, убийств, увечий, жестокого и бесчеловечного обращения, причинения вреда имуществу и разграбления конголезских природных

ресурсов. Весь округ Итури оказался под военной оккупацией и эффективным контролем Уганды. В Кисангани Уганда вела широкомасштабные боевые действия против руандийских войск.

Суд далее констатирует, что время, прошедшее между нынешним этапом разбирательства и разворачиванием конфликта, а именно примерно 20 лет, еще больше затрудняет задачу установления хода событий и их правовой квалификации. Суд отмечает, однако, что с момента вынесения решения 2005 года стороны сознавали, что их могут вызвать для представления доказательств в ходе разбирательства о репарациях.

Суд учитывает то, что в большинстве ситуаций международного вооруженного конфликта возникают, в определенной степени, трудности с представлением доказательств. Однако вопросы репарации часто решаются посредством переговоров между заинтересованными сторонами. Суд отмечает, что он может лишь сожалеть по поводу безрезультатности, в данном случае, переговоров, посредством которых стороны должны были «добросовестно добиваться согласованного решения» на основе выводов, содержащихся в решении 2005 года (*I.C.J. Reports 2005*, p. 257, para. 261).

Суд заявляет, что он будет учитывать контекст данного дела при определении размеров ущерба и оценке причитающейся репарации (см. части III и IV).

В. Принципы и нормы, применимые к оценке репараций в настоящем деле (пункты 69–110)

Напомнив, что в своем решении 2005 года он установил, что Уганда обязана произвести репарации за вред, причиненный приписываемыми ей международно противоправными деяниями (действиями и бездействием), Суд вначале определяет принципы и нормы, применимые к оценке репараций в настоящем деле. Он делает это, во-первых, путем проведения различия между разными ситуациями, возникшими во время конфликта в Итури и в других районах ДРК (подраздел 1); во-вторых, путем анализа необходимой причинно-следственной связи между международно противоправными деяниями Уганды и ущербом, который понес заявитель (подраздел 2); и, наконец, путем рассмотрения характера, формы и суммы репарации (подраздел 3).

1. Принципы и нормы, применимые к разным ситуациям, возникавшим в ходе конфликта (пункты 73–84)

Суд напоминает, что стороны расходятся во мнениях относительно объема обязательства Уганды произвести репарацию за ущерб, причиненный в двух различных ситуациях: в округе Итури, находившемся под угандийской оккупацией, и в других районах ДРК за пределами Итури, включая Кисангани, где угандийские и руандийские вооруженные силы действовали одновременно.

a) В Итури (пункты 74–79)

Суд констатирует, что стороны придерживаются противоположных точек зрения в отношении того, распространяется ли репарация, причитающаяся ДРК от Уганды, на ущерб, причиненный третьими сторонами в округе Итури.

Напомнив аргументы сторон в этом отношении, Суд считает, что статус округа Итури в качестве оккупированной территории имеет прямое отношение к вопросам доказывания и необходимой причинно-следственной связи. Будучи оккупирующей державой, Уганда несла обязанность проявлять бдительность в плане недопущения нарушений прав человека и международного гуманитарного права другими субъектами, находящимися на оккупированной территории, включая повстанческие группы, действующие самостоятельно. Учитывая эту обязанность проявлять бдительность, Суд пришел к заключению, что ответственность ответчика была обусловлена его «неспособностью... принять меры для... обеспечения уважения прав человека и международного гуманитарного права в округе Итури» (решение 2005 года, *I.C.J. Reports 2005*, р. 231, paras. 178–179, р. 245, para. 211, and р. 280, para. 345, subpara. (3) постановляющей части). Таким образом, он придерживается того мнения, что, принимая во внимание это заключение, Уганда сама должна доказать, на данном этапе разбирательства, что тот или иной конкретный ущерб, заявленный ДРК, в Итури не был причинен неспособностью Уганды выполнять свои обязательства в качестве оккупирующей державы. В отсутствие доказательств этого может быть сделан вывод о том, что Уганда обязана произвести репарацию за такой ущерб.

Что касается природных ресурсов, то Суд напоминает, что в своем решении 2005 года он счел, что Уганда как оккупирующая держава была «обязана принять надлежащие меры с целью предотвратить хищение, разграбление и эксплуатацию природных ресурсов на оккупированной территории... частными лицами в округе [Итури]» (*ibid.*, р. 253, para. 248). Суд установил, что Уганда «не выполнила свои обязательства согласно статье 43 Гаагских положений 1907 года в качестве оккупирующей державы в Итури в отношении всех актов хищения, разграбления и эксплуатации природных ресурсов на оккупированной территории» (*ibid.*, р. 253, para. 250) и что в силу этого она несет международную ответственность (*ibid.*, р. 281, para. 345, subpara. (4) постановляющей части). Репарация, причитающаяся от Уганды в отношении актов хищения, разграбления и эксплуатации природных ресурсов в Итури, будет рассмотрена ниже.

b) За пределами Итури (пункты 80–84)

Что касается ущерба, нанесенного за пределами Итури, то Суд напоминает о выводах, содержащихся в его решении 2005 года, о том, что повстанческие группы, действовавшие на территории ДРК за пределами Итури, не находились под контролем Уганды, что их действия не были связаны с нею и что Уганда не нарушала свою обязанность проявлять бдительность в отношении незаконной деятельности таких групп (*I.C.J. Reports 2005*, р. 226, paras. 160–161, pp. 230–231, para. 177, and р. 253, para. 247). Следовательно, не может быть присуждено никакой репарации за вред, причиненный действиями этих групп.

В том же решении Суд установил, что, даже если ДОК не находилось под контролем ответчика, последний оказывал поддержку этой группе (*ibid.*, p. 226, para. 160) и что обучение и поддержка Угандой АОК нарушали определенные обязательства по международному праву (*ibid.*, p. 226, para. 161). Суд будет учитывать этот вывод, когда он будет рассматривать требования ДРК о репарации.

Суду надлежит оценить каждую категорию инкриминируемого вреда в каждом конкретном случае и разобраться, является ли поддержка Угандой соответствующей повстанческой группы в достаточной степени прямой и несомненной причиной ущерба. Размер вреда и вытекающая отсюда репарация должны быть определены Судом при рассмотрении каждого конкретного ущерба. То же самое касается вреда, понесенного конкретно в Кисангани, который Суд рассмотрит в части III.

2. *Причинно-следственная связь между международно
противоправными деяниями и понесенным ущербом*
(пункты 85–98)

Затем Суд напоминает, что стороны расходятся по вопросу о том, должна ли репарация ограничиваться ущербом, непосредственно связанным с каким-то международно противоправным деянием, или же охватывать также косвенные последствия такого деяния.

Далее он напоминает, что он может присудить компенсацию только тогда, когда ущерб причинен международно противоправным деянием государства. Как общее правило, стороне, добивающейся компенсации, надлежит самой доказать наличие причинно-следственной связи между международно противоправным деянием и понесенным ущербом. В соответствии с судебной практикой Суда компенсация может быть присуждена только в том случае, если существует «в достаточной степени прямая и несомненная причинно-следственная связь между противоправным деянием... и ущербом, понесенным заявителем и включающим весь ущерб любого рода — материальный или моральный» (*Применение Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории)*, *Judgment, I.C.J. Reports 2007 (I)*, pp. 233–234, para. 462). Суд применил тот же самый критерий в двух других делах, в которых встал вопрос о репарации. Вместе с тем следует отметить, что требующаяся причинно-следственная связь может варьироваться в зависимости от нарушенной первичной нормы и от характера и размера ущерба.

В частности, в случае ущерба, являющегося результатом войны, вопрос о причинно-следственной связи может вызывать определенные трудности. В ситуации давнего и широкомасштабного вооруженного конфликта, как в данном случае, причинно-следственная связь между противоправными действиями и определенным ущербом, в связи с которым заявитель добивается репарации, может быть легко установлена. В отношении некоторых других видов ущерба связь между международно противоправным деянием и предполагаемым ущербом может быть недостаточно прямой и несомненной, чтобы требовать репарации. Возможно, что ущерб обусловлен несколькими одновременно действующими причинами, включая

действия или бездействие ответчика. Возможно также, что несколько международно противоправных деяний, одинаковые по характеру, но приписываемые различным субъектам, могут привести к одиночному ущербу или к нескольким различным видам ущерба. Суд отмечает, что он рассмотрит эти вопросы по мере того, как они будут возникать, в свете фактических обстоятельств данного дела и имеющихся доказательств. В конечном итоге Суду самому надлежит решить, имеется ли в достаточной степени прямая и несомненная причинно-следственная связь между международно противоправными деяниями Уганды и различными формами вреда, предположительно понесенного ДРК.

Суд считает, что, анализируя причинно-следственную связь, он должен проводить различие между предполагаемыми действиями и бездействием, имевшими место в Итури, который находился под оккупацией и реальным контролем Уганды, и действиями и бездействием, имевшими место в других районах ДРК, которые отнюдь не обязательно находились под реальным контролем Уганды, несмотря на ту поддержку, которую она оказывала нескольким повстанческим группам, чьи действия привели к причинению вреда. Суд напоминает, что Уганда обязана произвести репарацию за весь ущерб, причиненный в результате конфликта в Итури, даже тот, который является следствием действий третьих сторон, если только он не установил применительно к какому-то конкретному ущербу, что он не причинен вследствие невыполнения Угандой своих обязательств как оккупирующей державы.

И наконец, Суд не может принять аргумент ответчика, основанный на аналогии с решением 2007 года по делу, касающемуся *Применения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории)*, в котором Суд однозначно ограничился определением конкретного объема обязанности предотвращать в Конвенции о геноциде и не имел целью установить общую судебную практику, применимую ко всем делам, в которых какой-то договорный документ или иная обязательная правовая норма включает обязательство государств предотвращать определенные деяния (*ibid.*, pp. 220–221, para. 429). Суд считает, что правовые режимы и фактические обстоятельства, о которых идет речь, несопоставимы ввиду того, что в отличие от вышеупомянутого дела о *Геноциде* настоящее дело касается ситуации оккупации.

Что касается ущерба, понесенного за пределами Итури, то Суд должен принять во внимание тот факт, что часть этого вреда произошла в результате комбинации действий и бездействия, приписываемых другим государствам и повстанческим группам, действующим на конголезской территории. Суд не может принять данную заявителем оценку того, что Уганда обязана произвести репарацию за 45 процентов всего ущерба, понесенного в ходе вооруженного конфликта на конголезской территории. Эта оценка, которая якобы соответствует доле конголезской территории, находившейся под влиянием Уганды, не является обоснованной ни юридически, ни фактически. Однако того факта, что вред был результатом одновременно действующих причин, не достаточно для освобождения ответчика от любого обязательства выплатить репарацию.

Поскольку стороны также коснулись применимого права в ситуациях, в которых многочисленные субъекты осуществляют действия, причиняющие ущерб, что имеет особое отношение к событиям в Кисангани, где вред, заявляемый ДРК, стал следствием конфликта между войсками Уганды и войсками Руанды, Суд напоминает, что в определенных ситуациях, в которых многочисленные причины, приписываемые двум или более субъектам, привели к ущербу, от одного субъекта могут потребовать полностью возместить причиненный вред. В других ситуациях, в которых действия многочисленных субъектов привели к ущербу, ответственность за часть такого ущерба должна, напротив, распределяться между этими субъектами. Суд заявляет, что он вернется к этому вопросу при рассмотрении требований ДРК о компенсации в отношении Кисангани.

3. Характер, форма и размер репарации (пункты 99–110)

Затем Суд напоминает определенные международно-правовые принципы, обуславливающие определение характера, формы и размера репарации в соответствии с законодательством о международной ответственности государств в целом и в ситуациях массовых нарушений в контексте вооруженного конфликта в частности.

Он, таким образом, отмечает, что в международном праве закреплена норма, согласно которой нарушение того или иного обязательства влечет за собой обязательство произвести возмещение в адекватной форме. В соответствии с судебной практикой Суда, речь идет об обязательстве полностью возместить вред, причиненный международно противоправным деянием.

Как сказано в статье 34 статей КМП об ответственности государств, «[п]олное возмещение вреда, причиненного международно противоправным деянием, осуществляется в форме реституции, компенсации и сатисфакции, будь то отдельно или в их сочетании». Таким образом, в соответствии с судебной практикой Суда компенсация может быть подходящей формой репарации, в особенности в тех случаях, когда реституция является материально невозможной.

Ввиду обстоятельств настоящего дела Суд подчеркивает, что в международном праве закреплена норма, согласно которой репарация, причитающаяся государству, является компенсационной по своему характеру и не должна иметь карательного характера. Более того, Суд отмечает, что любая репарация предназначена, насколько это возможно, для того, чтобы пойти на пользу всем, кто понес ущерб в результате международно противоправных деяний.

Суд отмечает, однако, что стороны не приходят к согласию относительно принципов и методологий, применимых к оценке ущерба, являющегося результатом вооруженного конфликта, или к количественному определению причитающейся компенсации.

В этой связи он напоминает, что репарация должна, насколько это возможно, ликвидировать все последствия незаконного деяния. Суд отмечает, что, как он признал в других делах, отсутствие надлежащих доказательств размера материального ущерба не будет, во всех ситуациях, исключать возможность присуждения

компенсации за этот ущерб. Хотя Суд признает некоторую неопределенность в отношении точных размеров причиненного вреда, это не мешает ему определять размер компенсации. Суд может в порядке исключения присудить компенсацию в виде общей суммы в пределах возможностей, указанных доказательствами, и с учетом норм права справедливости. Такой подход может потребоваться тогда, когда доказательства не оставляют сомнения в том, что международно противоправное деяние причинило существенный ущерб, но не позволяют точно оценить размер или масштабы такого ущерба.

Суд отмечает, что в большинстве случаев, когда присуждается компенсация в делах, связанных с большой группой пострадавших, которые понесли серьезный ущерб в ситуациях вооруженного конфликта, судебные или иные соответствующие органы присуждают общую сумму за определенные категории ущерба на основе имеющихся в их распоряжении доказательств. Например, Комиссия по претензиям Эритреи и Эфиопии (далее — «КПЭЭ») отметила имманентные трудности, с которыми сталкиваются судебные органы в таких ситуациях. Она подтвердила, что присужденная ею компенсация отражала «ущерб, который можно было установить с достаточной уверенностью с помощью имеющихся доказательств» (*Final Award, Eritrea's Damages Claims, Decision of 17 August 2009, United Nations, Reports of International Arbitral Awards (RIAA), Vol. XXVI, p. 516, para. 2*), хотя присужденные суммы, «возможно, не отражали весь ущерб, понесенный каждой стороной в нарушение международного права» (*ibid.*). Она также признала, что в контексте разбирательства, имеющего целью предоставить компенсацию за ущерб, затронувший большое количество потерпевших, соответствующие учреждения приняли менее строгие стандарты доказывания. Они, соответственно, уменьшили суммы присужденной компенсации, чтобы учесть неопределенности, вытекающие из применения более низкого стандарта доказывания (*ibid.*, pp. 528–529, para. 38).

Суд убежден в том, что ему следует действовать таким образом в настоящем деле. Он будет учитывать упомянутые выше выводы относительно характера, формы и размера репарации при рассмотрении различных видов вреда, заявленного ДРК.

Затем Суд обращается к вопросу о том, следует ли при определении размера компенсации принимать во внимание финансовое бремя, налагаемое на несущее ответственность государство, с учетом его экономического положения, в частности имеются ли какие-либо сомнения относительно способности этого государства производить выплаты без ущерба для его способности удовлетворять основные потребности его народа. Напоминая, что КПЭЭ подняла вопрос о финансовых возможностях государства-ответчика (*ibid.*, Vol. XXVI, pp. 522–524, paras. 19–22), Суд отмечает, что он продолжит рассмотрение этого вопроса ниже.

C. Вопросы доказывания (пункты 111–126)

Установив принципы и нормы, применимые к оценке репараций в настоящем деле, Суд рассматривает вопросы доказывания, с тем чтобы определить, кто несет бремя доказывания того или иного факта, стандарт доказывания и то, какое значение следует придавать определенным видам доказательств.

В предварительном порядке он напоминает, что Суд не принимает утверждение Уганды касательно того, что ДРК должна доказать точный ущерб, понесенный тем или иным конкретным лицом или имуществом в том или ином конкретном месте и в то или иное конкретное время, дабы ей была присуждена репарация. В делах о массовом ущербе, подобных настоящему, Суд может сформировать представление о размерах ущерба, на котором должна основываться компенсация, без необходимости устанавливать имена всех потерпевших или выяснять конкретную информацию о каждом здании или ином имуществе, разрушенном в ходе конфликта.

1. Бремя доказывания (пункты 115–119)

Вначале Суд напоминает правила, регулирующие бремя доказывания. В соответствии с устоявшейся судебной практикой в этом вопросе, «как общее правило, сторона, утверждающая тот или иной факт в поддержку своих претензий, должна доказать существование этого факта». Следовательно, в принципе стороне, утверждающей тот или иной факт, надлежит представить соответствующие доказательства в обоснование своих претензий.

Вместе с тем Суд считает, что это не является абсолютным правилом, применимым во всех обстоятельствах. Существуют ситуации, когда, как говорится в деле *Амаду Садио Диалло (Гвинейская Республика против Демократической Республики Конго)*, «это общее правило следовало бы применять гибко... и, в частности, [когда] ответчик может иметь больше возможностей для установления определенных фактов». Как было отмечено в деле *Спор о сухопутной, островной и морской границе (Сальвадор/Гондурас, со вступлением в дело Никарагуа)*, Суд «не может, однако, исходить из презумпции, что доказательства, которых нет, в случае их представления поддержали бы аргументацию той или иной стороны, не говоря уже о презумпции относительно существования доказательств, которые не были представлены».

Таким образом, в деле *Амаду Садио Диалло (Гвинейская Республика против Демократической Республики Конго)* Суд подчеркнул, что «определение бремени доказывания на самом деле зависит от предмета и характера каждого спора, переданного на рассмотрение Суда; оно варьируется в зависимости от того, какого рода факты необходимо установить для целей принятия решения по делу». Суду надлежит оценить все доказательства, представленные сторонами, и доказательства, должным образом подвергнутые тщательному изучению ими, с тем чтобы сформулировать свои выводы. В зависимости от обстоятельств дела, может получиться так, что никакая из сторон не несет в одиночку бремя доказывания.

Что касается вреда, причиненного в округе Итури, который находился под угандийской оккупацией, то Суд напоминает заключение, к которому он пришел выше (подраздел 1 а)). На данном этапе разбирательства именно Уганде надлежит доказать, что тот или иной ущерб, понесенный ДРК в Итури, не был причинен тем, что она не выполнила свои обязательства как оккупирующая держава.

Однако, что касается ущерба, причиненного на конголезской территории за пределами Итури, и хотя существование вооруженного конфликта может затронуть

установление фактов, Суд считает, исходя из своей судебной практики, что «в конечном итоге, ... сторона в судебном деле, стремящаяся установить тот или иной факт, несет бремя его доказывания; и в делах, в которых доказательства могут и не появиться, тот или иной довод может быть отвергнут в решении как недоказанный».

2. Стандарт доказывания и степень определенности (пункты 120–126)

На практике Суд применяет различные критерии для оценки доказательств. Он считает, что стандарт доказывания может варьироваться от дела к делу и может зависеть от тяжести утверждаемых деяний. Он также признал, что государству, которое не в состоянии представить прямые доказательства определенных фактов, следует предоставить возможность более либерального использования предположений на основании фактов и косвенных доказательств.

Суд ранее рассматривал вопрос о том, какое значение следует придавать определенным видам доказательств. Он напоминает, как отмечено в его решении 2005 года, что он

«будет осторожно относиться к доказательственным материалам, специально подготовленным для данного дела, а также к материалам, поступающим из одного единственного источника. Он будет отдавать предпочтение совпадающим по времени доказательствам лиц, обладающих непосредственными знаниями. Он будет уделять особое внимание надежным доказательствам, подтверждающим факты или действия, неблагоприятные для государства, представленного лицом, которое представляет их (*Военная и полувоенная деятельность в Никарагуа и против нее (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки)*, *Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986*, p. 41. para. 64). Суд будет также придавать значение доказательствам, которые — даже до настоящего судебного разбирательства — не оспаривались беспристрастными лицами на предмет правильности того, что в них содержится» (решение 2005 года, *I.C.J. Reports 2005*, p. 201, para. 61; см. также *Применение Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории)*, *Judgment, I.C.J. Reports 2007 (I)*, pp. 130–131, para. 213).

Суд заявил, что ценность сообщений, поступающих от официальных или независимых органов, зависит от ряда факторов.

Суд считает полезным сослаться на практику других международных органов, занимавшихся определением репарации в связи с массовыми нарушениями в условиях вооруженного конфликта. КПЭЭ признала трудности, связанные с вопросами доказывания, при рассмотрении требований о компенсации за нарушения обязательств на основании *jus in bello* и *jus ad bellum*, совершенные в контексте

международного вооруженного конфликта. Хотя она требовала «ясных и убедительных доказательств для установления того, что ущерб был нанесен», КПЭЭ отметила, что, если бы такой же высокий стандарт требовался для количественной оценки вреда, это сорвало бы любую репарацию. Поэтому она требовала «менее строгих доказательств» для целей количественной оценки (*Final Award, Eritrea's Damages Claims, Decision of 17 August 2009, RIAA, Vol. XXVI, p. 528, para. 36*). Более того, в своем постановлении о репарациях по делу *Катанга*, которое касается деяний, имевших место в ходе того же вооруженного конфликта, что и в настоящем деле, Международный уголовный суд (далее — «МУС») признавал тот факт, что «заявители не всегда могли представить документальные доказательства в подтверждение всего заявленного вреда с учетом обстоятельств в ДРК» (*The Prosecutor v. Germain Katanga, ICC-01/04-01/07, Trial Chamber II, Order for Reparations pursuant to Article 75 of the Statute, 24 March 2017, p. 38, para. 84*).

В свете вышесказанного и с учетом того, что большой объем доказательств был уничтожен или стал недоступным за годы, прошедшие с вооруженного конфликта, Суд считает, что стандарт доказывания, требующийся для установления ответственности, выше, чем на нынешнем этапе репарации, в силу чего требуется определенная гибкость.

Суд отмечает, что доказательства, которые ДРК включила в материалы дела, являются большей частью недостаточными для точного определения размера причитающейся компенсации. Однако, учитывая контекст вооруженного конфликта в данном деле, Суд должен принять во внимание другие доказательства, такие как различные отчеты по результатам расследований, находящиеся в материалах дела, в частности полученные от органов Организации Объединенных Наций. Суд уже исследовал наибольшую часть этих доказательств в своем решении 2005 года и считал, что некоторые из докладов Организации Объединенных Наций, а также окончательный доклад Судебной комиссии по расследованию утверждений о незаконной эксплуатации природных ресурсов и других богатств ДРК, созданной в 2001 году (далее — «доклад Комиссии Портера»), имели доказательную ценность, когда они подтверждались другими надежными источниками (*I.C.J. Reports 2005, p. 249, para. 237*). Хотя в 2005 году Суд отметил, что ему необходимо установить фактические обстоятельства в отношении каждого инцидента в отдельности, в этих документах, тем не менее, зафиксировано значительное число инцидентов, на которые Суд может сейчас полагаться при оценке ущерба и причитающейся компенсации. Суд также примет во внимание более свежие доказательства, в особенности «Доклад по итогам аналитического обследования, документально подтверждающего самые серьезные нарушения прав человека и международного гуманитарного права, совершенные на территории Демократической Республики Конго в период с марта 1993 года по июнь 2003 года», который был опубликован в 2010 году Управлением Верховного комиссара по правам человека (далее — «доклад по итогам обследования»). Суд также примет во внимание доклады назначенных Судом экспертов, когда он сочтет, что они относятся к делу.

В обстоятельствах данного дела и с учетом контекста и периода времени, прошедшего с тех пор, как имели место указанные факты, Суд считает, что он должен

оценить наличие и размеры ущерба в пределах возможностей, указанных доказательствами. Это могут быть доказательства, включенные в материалы дела сторонами, в доклады, представленные назначенными Судом экспертами, или в доклады Организации Объединенных Наций и других национальных либо международных органов. Наконец, Суд считает, что в таких обстоятельствах оценка наличия и размеров ущерба должна основываться на разумных оценках, принимая во внимание то, подкрепляется ли установление того или иного фактического обстоятельства дела более чем одним источником доказательств.

D. Виды ущерба, подлежащего репарации (пункты 127–131)

Стороны расходятся по вопросу о том, какие виды ущерба подпадают под действие решения 2005 года и, таким образом, должны быть учтены Судом на данном этапе разбирательства.

В своем решении 2005 года Суд уже определил, что Уганда обязана произвести репарацию за ущерб, причиненный ДРК несколькими приписываемыми ей действиями и бездействием. Он считает, что его задача на данном этапе разбирательства заключается в вынесении решения о характере и размере репарации, причитающейся ДРК со стороны Уганды, за те виды ущерба, установленного в 2005 году, которые вменяются ей в вину. И действительно, цель Суда в его решении 2005 года не заключалась в определении точного ущерба, понесенного ДРК. Достаточно, чтобы ущерб, утверждаемый заявителем, относился к категориям, установленным в 2005 году. Так же, как поступал Суд в предыдущих делах о репарации, он будет определять, подпадает ли каждое из требований о репарации под действие его прежних выводов о финансовой ответственности.

III. Компенсация, требуемая ДРК (пункты 132–384)

Суд напоминает, что ДРК требует компенсацию за ущерб физическим лицам (раздел А), ущерб имуществу (раздел В), ущерб природным ресурсам (раздел С) и макроэкономический ущерб (раздел D). Он рассмотрит, таким образом, эти требования на основе общих соображений, изложенных выше.

A. Ущерб физическим лицам (пункты 133–226)

Напомнив выводы, изложенные в его решении 2005 года, Суд отмечает, что ДРК предъявляет требование на общую сумму по крайней мере в 4 350 421 800 долл. США в виде компенсации за ущерб физическим лицам, причиненный международно противоправными деяниями Уганды, и что она разделяет это требование ссылкой на пять видов ущерба: гибель людей, травмы и увечья, изнасилование и сексуальное насилие, вербовка и использование детей-солдат, а также перемещение населения.

1. Гибель людей (пункты 135–166)

Суд напоминает, что ДРК требует компенсацию за гибель 180 000 гражданских лиц. К этому ДРК добавляет требование в отношении гибели 2000 служащих Конголезских вооруженных сил, которые, как утверждается, были убиты в ходе боев с

угандийской армией или поддерживаемыми Угандой вооруженными группами — цифры, которые Уганда оспаривает.

Он также напоминает, что в своем решении 2005 года он, в частности, установил, что Уганда совершала акты убийства среди гражданского населения, не проводила различия между гражданскими и военными целями, не защищала гражданское население в ходе боев с другими комбатантами и как оккупирующая держава не принимала мер для уважения и обеспечения уважения прав человека и международного гуманитарного права в Итури (*I.C.J. Reports 2005*, p. 241, para. 211, and p. 280, para. 345, subpara. (3) постановляющей части). Кроме того, Суд установил, что Уганда своим противозаконным военным вторжением в ДРК нарушила запрет на применение силы, выраженный в пункте 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций (*ibid.*, p. 227, para. 165). Суд вновь заявляет, что, в принципе, гибель людей, вызванная этими международно противоправными деяниями, служит основанием для обязательства Уганды обеспечить полное возмещение. Чтобы присудить компенсацию, Суд должен определить наличие и размеры ущерба, понесенного заявителем, и удостовериться в существовании в достаточной степени прямой и несомненной причинно-следственной связи между международно противоправным деянием ответчика и понесенным ущербом.

Суд исследует по очереди различные доказательства, представленные ему, т. е. формы опознавания жертв, представленные ДРК, научные исследования, на которые опирается заявитель, и доклад, подготовленный назначенным Судом экспертом г-ном Урдalom. Он также изучает другие виды доказательств, т. е. доклады, подготовленные под эгидой Организации Объединенных Наций (включая доклад по итогам обследования), и другие документы, подготовленные независимыми третьими сторонами.

Рассматривая недостатки в доказательствах, представленных ДРК, Суд принимает во внимание чрезвычайные обстоятельства настоящего дела, которые ограничили способность ДРК представить доказательства с большей доказательной ценностью (см. выше). Суд напоминает, что в период с 1998 по 2003 год ДРК не осуществляла реального контроля над Итури в силу военной оккупации Угандой. В деле *Пролив Корфу* Суд установил, что исключительный территориальный контроль, который государство обычно осуществляет в пределах своих границ, имеет отношение к методам доказывания, имеющимся в распоряжении других государств, которым может быть дозволено более либеральное использование предположений на основании фактов и косвенных доказательств. Этот общий принцип также применяется к ситуациям, когда государство, которое обычно несло бы бремя доказывания, утратило эффективный контроль над территорией, где находятся решающие доказательства, в силу военной оккупации ее территории другим государством.

Суд считает, что ДРК справедливо подчеркивает, что доказательств, которые обычно представляются в делах, касающихся ущерба физическим лицам, таких как свидетельства о смерти и больничная документация, часто не существует в отдаленных районах, где нет базовой гражданской инфраструктуры, и что эту реальность также признал МУС. Суд напоминает вывод МУС, согласно которому пострадавшие

в том же конфликте не всегда могли представить документальные доказательства (см. выше). В том разбирательстве, однако, многие такие пострадавшие все-таки представили свидетельства о смерти и медицинские заключения (*The Prosecutor v. Germain Katanga*, ICC-01/04-01/07, Trial Chamber II, Order for Reparations pursuant to Article 75 of the Statute, 24 March 2017, paras. 111–112). Хотя для ДРК не было бы невозможно представить такую документацию в отношении определенного числа лиц в рамках настоящего дела, Суд признает трудности с получением такой документации в отношении десятков тысяч предполагаемых жертв.

Суд заявляет, что он осознает то, что детальные доказательства конкретных событий, происшедших в условиях опустошительной войны в отдаленных районах и почти два десятилетия назад, часто отсутствуют. В то же время Суд считает, что, несмотря на сложную ситуацию, в которой оказалась ДРК, можно было бы ожидать сбора большего объема доказательств относительно гибели людей с тех пор, как Суд вынес свое решение 2005 года (см. выше).

По мнению Суда, ни материалы, представленные ДРК, ни доклады, представленные назначенными Судом экспертами или подготовленные органами Организации Объединенных Наций, не содержат достаточных доказательств для определения точного или даже приблизительного числа погибших мирных жителей, за которые Уганда должна произвести репарацию. Учитывая эти ограничения, Суд считает, что представленные ему доказательства дают основания предположить, что количество смертей, за которые Уганда должна произвести репарацию, находится в диапазоне от 10 000 до 15 000 человек.

Что касается оценки стоимости, то Суд считает, что ДРК не представила убедительных доказательств своего требования, согласно которому средняя сумма, присуждаемая конголезскими судами семьям жертв военных преступлений, составляет 34 000 долл. США.

В отношении просьбы ДРК о компенсации за гибель 2000 предположительно погибших служащих ее вооруженных сил Суд также отмечает, что ДРК представила очень мало доказательств в поддержку этого требования.

Суд напоминает, что он может — с учетом исключительных обстоятельств настоящего дела — присудить компенсацию в виде общей суммы в пределах возможностей, указанных доказательствами, и с учетом норм права справедливости (см. выше). Суд отмечает, что хотя имеющихся доказательств недостаточно для определения в разумной степени точного или даже приблизительного числа погибших мирных жителей, вменяемых в вину Уганде, тем не менее можно установить диапазон возможных вариантов в отношении количества таких погибших гражданских лиц (см. выше). Принимая во внимание все имеющиеся доказательства, различные методологии, предлагаемые для определения размера компенсации за потерянную человеческую жизнь, а также свою судебную практику и заключения других международных органов, Суд решает присудить компенсацию за гибель мирных жителей как часть общей суммы за весь ущерб физическим лицам (см. ниже).

2. *Нанесение телесных повреждений людям* (пункты 167–181)

Затем Суд напоминает, что ДРК просит Суд присудить сумму в размере 54 464 000 долл. США в виде компенсации за травмы и увечья среди гражданского населения.

Это требование включает травмы в результате преднамеренных нападений на гражданское население, таких как целенаправленные нападения, нанесение увечий или пытки, а также травмы, полученные как сопутствующий ущерб в результате военных операций.

В этой связи Суд отмечает, что в своем решении 2005 года он признал Уганду виновной в пытках и других формах бесчеловечного обращения с гражданским населением, а также в том, что она не проводила различия между гражданскими и военными целями, не защищала гражданское население в ходе боев с другими комбатантами и как оккупирующая держава не принимала мер для уважения и обеспечения уважения прав человека и международного гуманитарного права в округе Итури (*I.C.J. Reports 2005*, р. 280, para. 345, subpara. (3) постановляющей части). Соответственно, травмы среди гражданского населения, являющиеся следствием этих деяний, а также нарушения запрета на применение силы и принципа невмешательства (*ibid.*, р. 280, para. 345, subpara. (1) постановляющей части), подпадают под действие решения 2005 года и, в принципе, под действие обязательства произвести репарацию.

На основании рассмотренных доказательств Суд считает, что он не может произвести с достаточной степенью уверенности даже приблизительную оценку количества гражданских лиц, получивших телесные повреждения в результате международно противоправных деяний Уганды. Он отмечает, что ДРК не представила надлежащих доказательств в подтверждение ее утверждения о том, что 30 000 мирных жителей получили телесные повреждения в Итури. Однако Суд вновь повторяет свои заключения в отношении сложных условий, сложившихся в ДРК, и их воздействия на способность заявителя представить такие доказательства, которых обычно ожидают в исках, касающихся причинения вреда здоровью. Он считает, что имеющиеся доказательства по крайней мере подтверждают значительное количество телесных повреждений во многих местах.

Что касается оценки стоимости, то Суд считает, что ДРК не представила убедительных доказательств в отношении цифр, которые она приводит.

Суд напоминает, что он может — с учетом исключительных обстоятельств настоящего дела — присудить компенсацию в виде общей суммы в пределах возможностей, указанных доказательствами, и с учетом норм права справедливости (см. выше). Суд отмечает, что имеющиеся доказательства, касающиеся телесных повреждений, являются менее значительными, чем в отношении гибели людей, и что нельзя определить, даже приблизительно, количество людей, получивших телесные повреждения, которым Уганда должна произвести репарацию. Суд может лишь признать, что имело место существенное число таких травм и что можно обнаружить

местные закономерности. Принимая во внимание все имеющиеся доказательства, методологии, предлагаемые для приписывания стоимости телесным повреждениям, а также свою судебную практику и заключения других международных органов, Суд решает присудить компенсацию за телесные повреждения как часть общей суммы за весь ущерб физическим лицам (см. ниже).

3. *Изнасилование и сексуальное насилие* (пункты 182–193)

Суд напоминает, что ДРК запрашивает 33 458 000 долл. США в виде компенсации для 1710 жертв изнасилования и сексуального насилия в Итури и 30 жертв таких актов в других частях ДРК, включая Кисангани.

Суд отмечает, что в его решении 2005 года Уганда была признана виновной в нарушениях ее обязательств по международному гуманитарному праву и международному праву прав человека, включая акты пыток и других форм бесчеловечного обращения (*I.C.J. Reports 2005*, р. 241, para. 211). Далее он отмечает, что международные уголовные трибуналы, а также правозащитные суды и органы признали, что изнасилование и другие акты сексуального насилия, совершенные в контексте вооруженного конфликта, могут приравниваться к серьезным нарушениям Женевских конвенций или нарушениям законов и обычаев войны и что они могут также являться одной из форм пыток и бесчеловечного обращения. Поэтому Суд считает, что от Уганды можно требовать выплаты компенсации за акты изнасилования и сексуального насилия в той мере, в какой это подтверждается соответствующими доказательствами, даже если такие акты не упоминались конкретно в решении 2005 года (см. выше).

Суд придерживается того мнения, что нельзя получить даже общую оценку относительно количества жертв изнасилования и других форм сексуального насилия на основе докладов и других имеющихся у него данных. Однако Суд констатирует, что нет никаких сомнений в том, что изнасилования и другие формы сексуального насилия совершались в ДРК в широких и повсеместных масштабах.

Что касается оценки стоимости вреда, причиненного жертвам изнасилования и сексуального насилия, то Суд признает, что ДРК не представила достаточных доказательств, которые подтверждали бы средние суммы, приводимые ею.

Суд напоминает, что он может — с учетом исключительных обстоятельств настоящего дела — присудить компенсацию в виде общей суммы в пределах возможностей, указанных доказательствами, и с учетом норм права справедливости (см. выше). Он отмечает, что имеющиеся доказательства, касающиеся изнасилования и сексуального насилия, являются менее значительными, чем в отношении гибели людей, и что нельзя определить даже приблизительное количество случаев изнасилования и сексуального насилия, приписываемых Уганде. Суд может лишь признать, что имело место существенное число таких травм. Принимая во внимание все имеющиеся доказательства, методологии, предлагаемые для приписывания стоимости актам изнасилования и сексуального насилия, а также свою судебную практику и заключения других международных органов, Суд решает присудить компенсацию

за изнасилования и сексуальное насилие как часть общей суммы за весь ущерб физическим лицам (см. ниже).

4. *Вербовка и использование детей-солдат* (пункты 194–206)

Суд напоминает, что ДРК требует 30 000 000 долл. США в виде компенсации за вербовку 2500 детей-солдат Угандой и вооруженными группами, поддерживаемыми Угандой.

Он отмечает, что в своем решении 2005 года Суд установил, что «[имеются] убедительные доказательства подготовки в учебных лагерях УПДФ [Народных сил обороны Уганды] детей-солдат и неспособности УПДФ предотвратить вербовку детей-солдат в районах под их контролем» (*I.C.J. Reports 2005*, р. 241, para. 210). Таким образом, требование ДРК охватывается решением 2005 года.

Суд признает, что имеются ограниченные доказательства в поддержку утверждений ДРК относительно количества завербованных или использовавшихся детей-солдат.

Что касается оценки стоимости вреда, причиненного детям-солдатам, то Суд отмечает, что ДРК не представила доказательств тех сумм, которые она приводит. Он не убежден и цифрами, представленными назначенным Судом экспертом, г-ном Синоглсом.

Суд напоминает, что он может — с учетом исключительных обстоятельств настоящего дела — присудить компенсацию в виде общей суммы в пределах возможностей, указанных доказательствами, и с учетом норм права справедливости (см. выше). Суд отмечает, что имеющиеся доказательства вербовки и использования детей-солдат предлагают целый диапазон возможностей относительно числа жертв, которым Уганда должна произвести репарацию (см. выше). Принимая во внимание все имеющиеся доказательства, методологии, предлагаемые для приписывания стоимости ущербу, причиненному вербовкой и использованием детей-солдат, а также свою судебную практику и заключения других международных органов, Суд решает присудить компенсацию за вербовку и использование детей-солдат как часть общей суммы за весь ущерб физическим лицам (см. ниже).

5. *Перемещение населения* (пункты 207–225)

ДРК требует 186 853 800 долл. США в виде компенсации за бегство и перемещение части населения в Итури и в других районах ДРК.

Суд вновь заявляет, что в своем решении 2005 года он признал Уганду виновной в неизбирательных и преднамеренных нападениях на гражданское население и в неспособности защитить гражданское население в ходе боев с другими войсками (*I.C.J. Reports 2005*, р. 241, para. 211). Кроме того, Суд установил, что Уганда не выполнила свои обязательства в качестве оккупирующей державы и разжигала этнический конфликт в Итури (*ibid.*). Уганда обязана произвести репарацию за любое перемещение гражданского населения, которое было в достаточной степени прямым и

несомненным образом вызвано этими актами (см. выше). Это включает случаи перемещения, которые имеют в достаточной степени прямую и несомненную причинно-следственную связь с нарушением Угандой *jus ad bellum*, даже если они не сопровождались нарушениями международного гуманитарного права или обязательств в области прав человека (КПЭЭ, *Final Award, Ethiopia's Damages Claims, Decision of 17 August 2009, RIAA, Vol. XXVI, p. 731, para. 322*).

Суд признает, что значительное большинство случаев перемещения, в отношении которых ДРК добивается компенсации, произошло в Итури.

Изучив различные представленные ему доказательства, Суд считает, что они не устанавливают в достаточной степени определенное количество перемещенных лиц, которым компенсация может быть присуждена отдельно. Однако эти доказательства указывают на диапазон возможностей, вытекающих из обоснованных оценок. Суд убежден в том, что Уганда должна выплатить репарацию в отношении значительного числа перемещенных лиц, учитывая то, что перемещения в одном только Итури, как представляется, затронули от 100 000 до 500 000 человек.

*

Что касается оценки стоимости ущерба, причиненного перемещением населения, то Суд считает, что ДРК не объясняет в достаточной степени основу для цифр, которые она приводит.

Суд напоминает, что он может — с учетом исключительных обстоятельств настоящего дела — присудить компенсацию в виде общей суммы в пределах возможностей, указанных доказательствами, и с учетом норм права справедливости (см. выше). Суд отмечает, что имеющиеся доказательства перемещения населения предлагают целый ряд возможностей относительно числа жертв, приписываемых Уганде (см. выше). Принимая во внимание все имеющиеся доказательства, возможные методологии для приписывания стоимости перемещению населения, а также свою судебную практику и заключения других международных органов, Суд решает присудить компенсацию за перемещение населения как часть общей суммы за весь ущерб физическим лицам (см. ниже).

б. Заключение (пункт 226)

Исходя из всех предшествующих соображений и учитывая то, что Уганда не доказала, что конкретный ущерб, причиненный, как утверждает ДРК, в Итури, не был вызван ее неспособностью выполнить свои обязательства в качестве оккупирующей державы, Суд считает уместным присудить единую общую сумму в размере 225 000 000 долл. США за гибель людей и другой ущерб физическим лицам.

в. Ущерб имуществу (пункты 227–258)

ДРК также настаивает на том, что Уганда должна произвести репарацию в виде компенсации за ущерб имуществу.

1. *Общие аспекты* (пункты 240–242)

Суд напоминает, что в своем решении 2005 года он признал Уганду виновной в ущербе имуществу как в Итури, так и за его пределами. Суд пришел к заключению, что войска УПДФ «уничтожали деревни и гражданские здания» и «не проводили различия между гражданскими и военными целями» (*I.C.J. Reports 2005*, p. 241, para. 211).

В том же решении Суд также постановил, что Уганда «как оккупирующая держава не принимала мер для уважения и обеспечения уважения прав человека и международного гуманитарного права в округе Итури» (*ibid.*, p. 280, para. 345, subpara. (3) постановляющей части). Суд напоминает, что на данном этапе разбирательства именно Уганде надлежит доказать, что ущерб тому или иному имуществу в Итури, утверждаемый ДРК, не был причинен тем, что она не выполнила свои обязательства как оккупирующая держава. В отсутствие доказательств этого может быть сделан вывод о том, что Уганда обязана произвести репарацию за такой ущерб (см. выше).

Суд подчеркивает, что с учетом чрезвычайного характера конфликта и обусловленной этим трудности со сбором детальных доказательств касательно большинства видов материального ущерба нельзя ожидать, что ДРК представит конкретную документацию в отношении каждого отдельного здания, разрушенного или серьезно поврежденного за пять лет незаконного военного присутствия Уганды в ДРК (см. выше). В то же время Суд считает, что, несмотря на сложную ситуацию, в которой оказалась ДРК, можно было бы ожидать от ДРК сбора большего объема доказательств с тех пор, как Суд вынес свое решение 2005 года, особенно в отношении активов и инфраструктуры, принадлежащих самой ДРК и находящихся в ее владении и под ее контролем. Суд учтет эти соображения при оценке доказательств, представленных ДРК.

2. *Итури* (пункты 243–249)

Суд считает, что доказательства, представленные ДРК, не позволяют Суду даже приблизительно определить масштабы ущерба и что доклад назначенного Судом эксперта не содержит никакой относящейся к делу дополнительной информации. Поэтому Суд должен основывать свою оценку на докладах Организации Объединенных Наций, в частности на докладе по итогам обследования. Суд считает, что в этом докладе содержатся несколько достоверных выводов в отношении разрушения «жилищ», «зданий», «деревень», «больниц» и «школ» в Итури.

Суд далее отмечает, что доклад по итогам обследования и другие доклады Организации Объединенных Наций содержат убедительные сведения о крупномасштабном разграблении в Итури, совершенном как вооруженными силами Уганды, так и другими субъектами.

Что касается оценки стоимости утраченного имущества, то Суд считает актуальными разбирательства в МУС, касающиеся того же конфликта.

3. *За пределами Итури* (пункты 250–253)

Доказательства, представленные ДРК, не позволяют Суду даже приблизительно определить масштабы ущерба, и доклад назначенного Судом эксперта не содержит никакой относящейся к делу дополнительной информации.

Суд считает, однако, что доклад по итогам обследования и доклад межучрежденческой миссии Организации Объединенных Наций по оценке в Кисангани содержат достаточно доказательств для заключения о том, что Уганда причинила значительный материальный ущерб в Кисангани. Он напоминает, что, по мнению ДРК, Уганда должна произвести репарацию за весь ущерб в Кисангани, поскольку этот ущерб был вызван совокупными и взаимодополняющими причинами. С другой стороны, Уганда настаивает на том, что два государства — Уганда и Руанда — по отдельности совершили международно противоправные деяния и что каждое из них отвечает только за ущерб, причиненный его собственными противоправными действиями. Суд считает, что каждое государство отвечает за ущерб в Кисангани, причиненный его собственными вооруженными силами, действовавшими самостоятельно. Однако, исходя из очень ограниченных доказательств, имеющих в его распоряжении, Суд не в состоянии приписать какую-то определенную долю ущерба Уганде. Он принял во внимание имеющиеся доказательства относительно ущерба имуществу в Кисангани при исчислении общей суммы, причитающейся за весь ущерб имуществу (см. ниже).

4. *Société nationale d'électricité (SNEL) (Национальная энергетическая компания — СНЕЛ)* (пункты 254–255)

Затем Суд рассматривает иск ДРК о возмещении ущерба, причиненного Национальной энергетической компанией СНЕЛ.

Суд отмечает, что, учитывая тесные связи правительства с компанией СНЕЛ, можно было ожидать, что ДРК представит Суду некоторые доказательства в обоснование своего иска.

Суд считает, однако, что ДРК не преуспела в доказывании своего иска в отношении ущерба, причиненного компании СНЕЛ.

5. *Военное имущество* (пункт 256)

Обращаясь к иску ДРК о возмещении ущерба, причиненного определенному имуществу ее вооруженных сил, Суд исходит из того, что здесь применимы аналогичные соображения. Он отклоняет данный иск ДРК за отсутствием доказательств и заявляет, что он не будет рассматривать никакой иной вопрос в связи с этим требованием.

6. *Заключение* (пункт 257)

Суд приходит к заключению, что представленные ДРК доказательства в отношении ущерба имуществу являются особенно ограниченными. Тем не менее Суд

убежден в том, что своими противоправными действиями Уганда причинила значительный ущерб имуществу, как Суд постановил в своем решении 2005 года (*I.C.J. Reports 2005*, p. 241, para. 211). В докладе по итогам обследования, в частности, содержится надежная и подтвержденная информация относительно многих случаев ущерба имуществу, причиненного Угандой, а также другими субъектами в Итури. Суд также приходит к заключению, что Уганда не доказала, что конкретный ущерб имуществу, утверждаемый ДРК, в Итури не был причинен тем, что Уганда не выполнила свои обязательства как оккупирующая держава.

Суд напоминает, что он может — с учетом исключительных обстоятельств настоящего дела — присудить компенсацию в виде общей суммы в пределах возможностей, указанных доказательствами, и с учетом норм права справедливости (см. выше). Суд отмечает, что имеющиеся доказательства в отношении ущерба имуществу, причиненного Угандой, являются ограниченными, но что доклад по итогам обследования по крайней мере подтверждает многие случаи ущерба имуществу, причиненного Угандой. Принимая во внимание все имеющиеся доказательства, предложения относительно приписывания стоимости ущербу имуществу, а также свою судебную практику и заключения других международных органов, Суд присуждает компенсацию за ущерб имуществу в виде общей суммы в размере 40 000 000 долл. США (см. выше).

С. Ущерб, связанный с природными ресурсами (пункты 259–366)

Суд напоминает, что в своем решении 2005 года он установил, что

«Республика Уганда в силу актов хищения, разграбления и эксплуатации конголезских природных ресурсов, совершенными военными служащими угандийских вооруженных сил на территории Демократической Республики Конго, и в силу своей неспособности выполнить свои обязательства как оккупирующей державы в округе Итури для предотвращения актов хищения, разграбления и эксплуатации конголезских природных ресурсов нарушила обязательства по отношению к Демократической Республике Конго по международному праву» (*I.C.J. Reports 2005*, pp. 280–281, para. 345, subpara. (4) постановляющей части).

Суд также напоминает, что и ДРК, и Уганда являются сторонами Африканской хартии прав человека и народов от 27 июня 1981 года, пункт 2 статьи 21 которой гласит, что «[в] случае захвата имущества лишённые владения люди имеют право на законное возвращение своего имущества, а также на адекватную компенсацию».

Суд разъясняет, что в своих заключительных представлениях в ходе устного производства ДРК просила Суд объявить в судебном порядке, что Уганда должна выплатить сумму в 1 043 563 809 долл. США в качестве компенсации за ущерб конголезским природным ресурсам, причиненный актами хищения, разграбления и эксплуатации. Эта сумма включает требования в связи с потерей полезных ископаемых,

включая золото, алмазы, колтан, олово и вольфрам, в связи с потерей кофе и древесины, в связи с ущербом флоре в результате обезлесения и ущербом фауне.

1. Общие аспекты (пункты 273–281)

В своем решении 2005 года Суд заявил, что «[при] вынесении своего решения по иску ДРК [в отношении природных ресурсов] у Суда не было необходимости устанавливать фактические обстоятельства в отношении каждого утверждаемого инцидента в отдельности» (*I.C.J. Reports 2005*, p. 249, para. 237). Затем Суд установил, что «в его распоряжении не было достоверных доказательств [существования] какой-то политики правительства Уганды, направленной на эксплуатацию природных ресурсов ДРК, или того, что военное вмешательство Уганды [было] осуществлено с целью получить доступ к конголезским ресурсам» (*ibid.*, p. 251, para. 242). Вместе с тем он «счел, что у него есть достоверные и убедительные доказательства, позволяющие заключить, что офицеры и солдаты УПДФ, в том числе самые высокопоставленные офицеры, [были] причастны к хищению, разграблению и эксплуатации природных ресурсов ДРК и что военные власти не приняли никаких мер, чтобы положить конец этим актам» (*ibid.*).

Что касается природных ресурсов за пределами Итури, то Суд констатировал, что Уганда несет ответственность за хищение, разграбление и эксплуатацию природных ресурсов «во всех случаях, когда» к этому были причастны служащие УПДФ (*ibid.*, p. 252, para. 245), но не за любые такие акты, совершенные членами «повстанческих групп», не находившихся под контролем Уганды (*ibid.*, p. 253, para. 247). В решении 2005 года не конкретизируется, какие именно акты хищения, разграбления и эксплуатации природных ресурсов, по мнению Суда, приписываются Уганде. Это решение было оставлено до этапа репараций, на котором ДРК должна будет представить доказательства в отношении масштабов ущерба природным ресурсам за пределами Итури, а также его приписывания Уганде.

Что касается природных ресурсов в Итури, то Суд установил «достаточные достоверные доказательства» того, что Уганда нарушила «свои обязательства согласно статье 43 Гаагских положений 1907 года в качестве оккупирующей державы в Итури в отношении всех актов хищения, разграбления и эксплуатации природных ресурсов на оккупированной территории» (*ibid.*, p. 253, para. 250). Это означает, что Уганда обязана произвести репарацию в отношении всех актов хищения, разграбления и эксплуатации природных ресурсов в Итури, даже если лица, осуществлявшие такие акты, были членами вооруженных групп или иными третьими сторонами (*ibid.*, p. 253, para. 248). На этапе репараций Суду остается лишь удостовериться в том, что имеющиеся доказательства подтверждают предполагаемый ущерб вследствие хищения, разграбления и эксплуатации природных ресурсов и, в исключительных обстоятельствах данного дела, установить по меньшей мере диапазон возможностей в отношении его размеров.

Суд напоминает, что он ограничен принятием решения о сумме причитающейся компенсации за ущерб, являющийся результатом международно противоправных деяний, установленных Судом в его решении 2005 года (*ibid.*, p. 257,

para. 260), в котором он конкретно коснулся докладов в отношении эксплуатации золота (*ibid.*, pp. 249–250, para. 238, pp. 250–251, paras. 240–242), алмазов (*ibid.*, p. 250, para. 240, p. 251, para. 242, and p. 253, para. 248) и кофе (*ibid.*, p. 250, para. 240). Суд не упомянул колтан, олово, вольфрам, древесину или ущерб фауне и флоре. Колтан, олово, вольфрам и древесина являются, тем не менее, сырьевыми материалами, которые охватываются родовым понятием «природные ресурсы». Помимо этого, Суд придерживается того мнения, что требования, касающиеся фауны, охватываются положениями решения 2005 года, в котором упоминались «охота и разграбление охраняемых видов» как часть утверждений ДРК касательно природных ресурсов (*ibid.*, p. 246, para. 223). В той степени, в какой ущерб флоре является прямым следствием разграбления древесины посредством обезлесения, Суд считает, что такой ущерб подпадает под действие решения 2005 года. На нынешнем этапе репараций Суд должен, тем не менее, удостовериться в том, что утверждаемая эксплуатация ресурсов, которые не были явно упомянуты в решении 2005 года, действительно имела место и что Уганда обязана произвести репарацию за обусловленный этим ущерб.

Изложив общие соображения относительно ценности различных представленных ему доказательств, Суд заявляет, что он сформулирует свои выводы на основе тех доказательств, которые он считает надежными, с тем чтобы определить ущерб, причиненный Угандой конголезским природным ресурсам, и компенсацию, подлежащую присуждению.

2. *Полезные ископаемые* (пункты 282–327)

a) *Золото* (пункты 282–298)

Что касается золота, то Суд считает, что имеется достаточно доказательств, чтобы прийти к выводу о том, что Уганда несет ответственность за значительный ущерб в результате хищения, разграбления и эксплуатации золота в пределах оценки, сделанной в докладе эксперта. Исходя из этого, Суд решает присудить компенсацию за этот вид ущерба как часть общей суммы за весь ущерб природным ресурсам (см. ниже).

b) *Алмазы* (пункты 299–310)

Что касается алмазов, то Суд считает, что имеется достаточно доказательств, чтобы прийти к выводу о том, что Уганда несет ответственность за значительный ущерб в результате хищения, разграбления и эксплуатации алмазов в пределах оценки, сделанной в докладе эксперта. Исходя из этого, Суд решает присудить компенсацию за этот вид ущерба как часть общей суммы за весь ущерб природным ресурсам (см. ниже).

c) *Колтан* (пункты 311–322)

Что касается колтана, то Суд считает, что имеется достаточно доказательств, чтобы прийти к выводу о том, что Уганда несет ответственность за значительный ущерб в результате хищения, разграбления и эксплуатации колтана в пределах

оценки, сделанной в докладе эксперта. Исходя из этого, Суд решает присудить компенсацию за этот вид ущерба как часть общей суммы за весь ущерб природным ресурсам (см. ниже).

d) Олово и вольфрам (пункты 323–327)

Что касается олова и вольфрама, то Суд считает, что включение олова и вольфрама в сферу охвата доклада эксперта было допустимым в соответствии с кругом ведения. Суд отмечает, что в докладе г-на Неста упоминаются лишь доказательства транзита небольших количеств олова и вольфрама через Итури, что само по себе не составляет хищение, разграбление и эксплуатацию. В частности, он подчеркивает, что он включил эти два минерала только для того, «чтобы отметить их относительную малозначительность в качестве ценностных источников, эксплуатируемых персоналом в Итури или за пределами Итури».

Учитывая наличие ограниченных доказательств, касающихся олова и вольфрама, и то, что эксперт отметил относительную малозначительность этих ресурсов с точки зрения эксплуатируемых количеств и соответствующей стоимости, Суд решает, что он не будет учитывать эти два минерала при определении компенсации, причитающейся за ущерб природным ресурсам.

3. Флора (пункты 328–350)

a) Кофе (пункты 328–332)

Суд считает, что включение кофе в сферу охвата доклада эксперта было допустимым в соответствии с кругом ведения. Он отмечает, что выводы г-на Неста в отношении кофе в определенной степени подтверждаются другими доказательствами. Поэтому Суд считает, что имеется достаточно доказательств, чтобы прийти к выводу о том, что Уганда несет ответственность за ущерб в результате хищения, разграбления и эксплуатации кофе.

Однако, поскольку в этих докладах содержатся лишь разрозненные данные и поскольку эксперт мог в остальном полагаться лишь на неподтвержденный доклад одной конголезской неправительственной организации, Суд считает, что уместно присудить компенсацию на более низком уровне, чем тот, который был рассчитан назначенным Судом экспертом. Исходя из этого, Суд решает присудить компенсацию за этот вид ущерба как часть общей суммы за весь ущерб природным ресурсам (см. ниже).

b) Древесина (пункты 333–344)

Суд считает, что имеется достаточно доказательств, чтобы прийти к выводу о том, что Уганда должна произвести репарацию за ущерб в результате хищения, разграбления и эксплуатации древесины. Суд, однако, отмечает, что расчеты г-на Неста в отношении древесины основаны на менее точной информации и на более грубых оценках, чем те, которые имелись у него, например, в отношении золота. Соответственно, размер компенсации должен быть существенно меньше, чем его

предварительная оценка. Исходя из этого, Суд решает присудить компенсацию за этот вид ущерба как часть общей суммы за весь ущерб природным ресурсам (см. ниже).

с) Ущерб окружающей среде в результате обезлесения
(пункты 345–350)

Что касается ущерба окружающей среде в результате обезлесения, то Суд напоминает, в частности, что в деле *Некоторые мероприятия, проведенные Никарагуа в приграничном районе (Коста-Рика против Никарагуа)* он постановил, что «признавать, что за ущерб, причиненный окружающей среде, как таковой причитается компенсация, соответствует принципам международного права, регулирующим последствия международно противоправных деяний, включая принцип полного возмещения», и что «ущерб окружающей среде и обусловленное им уменьшение или утрата способности окружающей среды предоставлять товары и услуги подлежит компенсации согласно международному праву».

Однако он отмечает, что в настоящем деле ДРК не предоставила Суду какой-либо основы для оценки ущерба окружающей среде, в частности биоразнообразию, в результате обезлесения. Будучи в силу этого неспособным определить размеры ущерба, понесенного ДРК, даже на приблизительной основе, Суд отклоняет претензию об ущербе окружающей среде в результате обезлесения.

4. Фауна (пункты 351–363)

Суд напоминает, что, как он установил, требования ДРК, касающиеся фауны, охватываются положениями решения 2005 года (см. выше).

Хотя имеющихся доказательств недостаточно для определения в разумной степени точного или даже приблизительного числа погибших животных, за которые Уганда должна произвести репарацию, Суд, тем не менее, удостоверился, основываясь на представленных ему докладах, в том, что Уганда несет ответственность за значительный ущерб фауне в заповеднике «Окапи» и в северной части национального парка «Вирунга» в той степени, в какой эти парки находятся в Итури. Исходя из этого, Суд решает присудить компенсацию за этот вид ущерба как часть общей суммы за весь ущерб природным ресурсам (см. ниже).

5. Заключение (пункты 364–366)

Суд отмечает, что представленные ему доказательства и доклад эксперта, подготовленный г-ном Нестом, показывают, что значительный объем природных ресурсов подвергся хищению, разграблению и эксплуатации в ДРК в период с 1998 по 2003 год. В отношении Итури Уганда обязана произвести репарацию за все такие акты. Что же касается районов за пределами Итури, то Уганде приписывается значительный объем природных ресурсов, подвергшихся хищению, разграблению и эксплуатации. Однако ни доклада назначенного Судом эксперта, ни доказательств, представленных ДРК или изложенных в докладах Комиссии Портера, органов Организации Объединенных Наций и неправительственных организаций, недостаточно

для того, чтобы доказать точные масштабы хищения, разграбления и эксплуатации, за которые несет ответственность Уганда. Экспертный доклад г-на Неста содержит методологически обоснованную и убедительную оценку на основе имеющихся доказательств. Этот экспертный доклад особенно полезен в части, касающейся определения стоимости различных природных ресурсов, охватываемых им (полезные ископаемые, кофе и древесина). Однако, хотя экспертный доклад г-на Неста и, в отношении фауны, доклады специализированных органов Организации Объединенных Наций, возможно, предлагают наилучшую возможную оценку в отношении масштабов эксплуатации природных ресурсов в сложившихся обстоятельствах, они не позволяют Суду прийти к достаточно точному определению размеров или стоимостной оценки ущерба.

Так же, как он поступил в отношении ущерба физическим лицам и имуществу, Суд должен принять во внимание чрезвычайные обстоятельства настоящего дела, которое ограничило способность ДРК и эксперта представить доказательства с большей доказательной ценностью (см. выше). Суд напоминает, что он может — с учетом исключительных обстоятельств настоящего дела — присудить компенсацию в виде общей суммы в пределах возможностей, указанных доказательствами, и с учетом норм права справедливости (см. выше).

Принимая во внимание все имеющиеся доказательства, в частности выводы и оценки, содержащиеся в докладе назначенного Судом эксперта, г-на Неста, а также свою судебную практику и заключения других международных органов, Суд присуждает компенсацию за хищение, разграбление и эксплуатацию природных ресурсов в виде общей суммы в размере 60 000 000 долл. США.

D. Макроэкономический ущерб (пункты 367–384)

Наконец, Суд напоминает, что ДРК требует 5 714 000 775 долл. США за макроэкономический ущерб.

Суд отмечает, что в постановляющей части своего решения 2005 года он установил, что «Уганда, предпринимая действия военного характера, направленные против Демократической Республики Конго... нарушила принцип неприменения силы в международных отношениях и принцип невмешательства», и постановил, «что Республика Уганда обязана произвести возмещение причиненного Демократической Республике Конго ущерба» (*I.C.J. Reports 2005*, pp. 280–282, para. 345, subparas. (1) and (5)). Суд, однако, не упомянул конкретно макроэкономический ущерб.

Суд придерживается того мнения, что ему не нужно решать в рамках настоящего разбирательства, подлежит ли требование о макроэкономическом ущербе в результате нарушения запрета на применение силы или же требование о таком ущербе в более общем плане компенсации согласно международному праву. Суду достаточно отметить, что ДРК не показала в достаточной степени прямую и несомненную причинно-следственную связь между международно противоправным деянием Уганды и любым предполагаемым макроэкономическим ущербом. В любом случае

ДРК не предоставила основу для того, чтобы прийти даже к грубой оценке любого возможного макроэкономического ущерба.

Таким образом, Суд отклоняет требование ДРК о макроэкономическом ущербе.

IV. Сатисфакция (пункты 385–392)

Суд напоминает, что, как доказывает ДРК, независимо от суммы, присужденной Судом, компенсация как форма репарации является недостаточной для полного возмещения ущерба, причиненного ДРК и ее населению. Поэтому она просит потребовать от Уганды сатисфакции посредством: i) уголовного расследования и преследования офицеров и солдат УПДФ; ii) выплаты 25 млн долл. США для создания фонда с целью содействовать примирению между общинами хема и ленду в Итури; и iii) выплаты 100 млн долл. США за нематериальный ущерб, понесенный ДРК в результате войны.

Прежде чем рассматривать три формы сатисфакции, испрашиваемые ДРК, Суд напоминает, что, как правило, заявление о нарушении само по себе является надлежащей сатисфакцией в большинстве случаев. Однако сатисфакция может принимать совершенно иную форму в зависимости от обстоятельств дела и в той мере, в какой компенсация не устраняет все последствия международно противоправного деяния.

Что касается первой меры, испрашиваемой ДРК, а именно проведения уголовных расследований и преследований, то Суд напоминает статью 37 статей КМП об ответственности государств. Он отмечает, что виды сатисфакции, перечисленные во втором пункте этого положения (а именно признание нарушения, выражение сожаления, официальное извинение или иная подобающая форма), не являются единственно возможными. В принципе, сатисфакция может включать меры, такие как «меры дисциплинарной или уголовной ответственности в отношении лиц, чье поведение привело к международно противоправному деянию» (комментарий к статье 37 статей КМП об ответственности государств, *Yearbook of the International Law Commission*, 2001, Vol. II, Part Two, p. 106, para. 5).

Суд напоминает, что в своем решении 2005 года он установил, что угандийские войска совершили серьезные нарушения Женевских конвенций. Суд отмечает, что в соответствии со статьей 146 четвертой Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года и статьей 85 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), Уганда обязана расследовать, преследовать и наказать тех, кто виновен в совершении таких нарушений. Суду нет необходимости давать указание о какой-то дополнительной конкретной мере сатисфакции, имеющей отношение к осуществлению уголовных расследований или преследований. Ответчику необходимо обеспечить расследование и преследование в силу лежащих на нем обязательств.

Что касается второй меры сатисфакции, испрашиваемой ДРК, то Суд напоминает, что в своем решении 2005 года он признал, что УПДФ «разжигали этнические

конфликты и не предприняли никаких действий для предотвращения таких конфликтов в округе Итури» (*I.C.J. Reports 2005*, p. 240, para. 209). В этом деле, однако, материальный ущерб, причиненный этническими конфликтами в Итури, уже охвачен компенсацией, присужденной за ущерб физическим лицам и имуществу. Тем не менее Суд предлагает сторонам добросовестно сотрудничать с целью установить различные методы и средства содействия примирению между этническими группами хема и ленду в Итури и обеспечить прочный мир между ними.

Наконец, Суд не может поддержать третью меру сатисфакции, испрашиваемую ДРК. Нет никакой основы для предоставления сатисфакции за нематериальный ущерб ДРК в таких обстоятельствах, учитывая тему репарации в международном праве и международной практике в этом отношении. КПЭЭ отклонила требование Эфиопии о моральном ущербе, понесенном эфиопами и самим государством по причине незаконного применения силы Эритреей (*Final Award, Ethiopia's Damages Claims, Decision of 17 August 2009, RIAA, Vol. XXVI, pp. 662, 664, paras. 54–55, 61*). В обстоятельствах данного дела Суд считает, что нематериальный ущерб, в связи с которым ДРК добивается сатисфакции, включен в общие суммы, присужденные Судом за различные виды ущерба.

V. Другие ходатайства (пункты 393–404)

Затем Суд обращается к другим ходатайствам, поданным ДРК в ее заключительных представлениях, а именно чтобы Суд обязал Уганду возместить расходы, понесенные ДРК в ходе разбирательства, чтобы Суд присудил проценты, причитающиеся до и после вынесения судебного решения, и чтобы Суд продолжал заниматься этим делом до тех пор, пока Уганда не произведет в полном объеме репарации и не выплатит компенсацию согласно его распоряжению.

A. Расходы (пункты 394–396)

Суд напоминает, что в своих заключительных представлениях ДРК просит Суд распорядиться о том, чтобы расходы, которые она понесла в настоящем деле, были возмещены Угандой.

Он отмечает в этой связи, что в статье 64 его Статута предусмотрено, что «[при] отсутствии иного определения Суда каждая сторона несет свои собственные судебные издержки». Принимая во внимание обстоятельства данного дела, включая то, что Уганда выиграла одно из своих встречных требований в отношении ДРК и впоследствии отказалась от своего собственного требования компенсации, Суд не видит достаточных оснований, которые оправдывали бы отход в настоящем деле от общего правила, изложенного в статье 64 Статута. Соответственно, каждая сторона несет свои собственные расходы.

В. Проценты, причитающиеся до и после вынесения судебного решения (пункты 397–402)

В своих заключительных представлениях ДРК просит Суд распорядиться о том, чтобы Уганда выплатила проценты, причитающиеся до вынесения судебного решения, и проценты, причитающиеся после вынесения судебного решения.

Что касается требования ДРК о процентах, причитающихся до вынесения судебного решения, то Суд отмечает, что в практике международных судов и трибуналов — хотя проценты, причитающиеся до вынесения судебного решения, могут быть присуждены, если того требует полная репарация за ущерб, причиненный международно противоправным деянием, — проценты не являются самостоятельной формой репарации или необходимой частью компенсации в каждом деле. Суд отмечает, что при определении суммы, причитающейся за каждый вид ущерба, он принял во внимание течение времени. В этом отношении Суд отмечает, что сама ДРК заявила в своих заключительных представлениях, что она не испрашивает проценты, причитающиеся до вынесения судебного решения, в отношении ущерба, в связи с которым «сумма компенсации, присужденная Судом, исходя из общей оценки, уже учитывает течение времени». Суд считает, что, таким образом, нет необходимости присуждать проценты, причитающиеся до вынесения судебного решения, в обстоятельствах данного дела.

Что касается требования ДРК о процентах, причитающихся после вынесения судебного решения, то Суд напоминает, что он предоставлял такие проценты в прошлых делах, по которым он присуждал компенсацию, отметив, что присуждение процентов, причитающихся после вынесения судебного решения, согласуется с практикой других международных судов и трибуналов. Суд ожидает своевременной выплаты и не имеет оснований полагать, что Уганда не будет действовать соответствующим образом. Тем не менее, в соответствии со своей практикой Суд постановляет, что в случае задержки с оплатой выплачиваются проценты, причитающиеся после вынесения судебного решения. Они будут накапливаться по годовой ставке в 6 процентов от любой просроченной суммы (см. ниже).

С. Ходатайство о том, чтобы Суд продолжал заниматься этим делом (пункты 403–404)

Суд отмечает, что своим ходатайством о том, чтобы Суд продолжал заниматься этим делом, ДРК по сути дела просит Суд следить за выполнением своего решения. В этой связи Суд отмечает, что ни в одном из своих предыдущих решений о компенсации он не считал необходимым продолжать заниматься конкретным делом до тех пор, пока не получен последний платеж. Более того, Суд считает, что присуждение процентов, причитающихся после вынесения судебного решения, удовлетворяет обеспокоенность ДРК касательно своевременного выполнения ответчиком платежных обязательств, изложенных в настоящем решении. В свете вышесказанного нет никаких оснований для того, чтобы Суд продолжал заниматься этим делом, и поэтому ходатайство ДРК должно быть отклонено.

VI. Итоговая присужденная сумма (пункты 405–408)

Итоговая сумма компенсации, присужденной ДРК, составляет 325 000 000 долл. США. Эта общая сумма включает 225 000 000 долл. США за ущерб физическим лицам, 40 000 000 долл. США за ущерб имуществу и 60 000 000 долл. США за ущерб, касающийся природных ресурсов.

Суд заявляет, что итоговая сумма должна выплачиваться в виде годовых платежей в размере 65 000 000 долл. США, подлежащих уплате 1 сентября каждого года, с 2022 по 2026 год. Суд постановляет, что в случае задержки с оплатой проценты, причитающиеся после вынесения судебного решения, по годовой ставке в 6 процентов от каждого взноса будут накапливаться на любую просроченную сумму начиная со дня, следующего за днем, в который причитался платеж.

Суд заявляет, что он убежден в том, что итоговая присужденная сумма и порядок производства платежей остаются в пределах платежеспособности Уганды. Поэтому Суд устанавливает, что ему нет необходимости рассматривать вопрос о том, следует ли при определении суммы компенсации учитывать финансовое бремя, возлагаемое на несущее ответственность государство с учетом его экономического положения (см. выше).

Суд отмечает, что репарация, присужденная ДРК за ущерб физическим лицам и имуществу, отражает вред, причиненный отдельным лицам и общинам в результате нарушения Угандой ее международных обязательств. В этой связи Суд полностью принимает во внимание и приветствует обещание, данное представителем ДРК в ходе устного разбирательства в отношении фонда, созданного правительством ДРК, согласно которому компенсация, подлежащая выплате Угандой, будет справедливо и действительно распределяться среди пострадавших от вреда под надзором органов, в состав которых входят представители жертв и гражданского общества и работа которых поддерживается международными экспертами. При распределении присужденных сумм фонду рекомендуется рассмотреть также возможность принятия мер на благо затронутых общин в целом.

Постановляющая часть (para. 409)

По этим причинам

Суд

1) *устанавливает* следующие суммы компенсации, причитающиеся к выплате Республикой Уганда Демократической Республике Конго за ущерб, причиненный нарушениями международных обязательств Республикой Уганда, как установлено Судом в его решении от 19 декабря 2005 года:

a) двенадцатью голосами против двух

225 000 000 долл. США за ущерб физическим лицам;

ЗА: Председатель Донохью; Вице-Председатель Геворгян; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Юсуф, Сюэ, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Ивасава, Нольте;

ПРОТИВ: судья Салам; судья *ad hoc* Доде;

b) двенадцатью голосами против двух

40 000 000 долл. США за ущерб имуществу;

ЗА: Председатель Донохью; Вице-Председатель Геворгян; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Юсуф, Сюэ, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Ивасава, Нольте;

ПРОТИВ: судья Салам; судья *ad hoc* Доде;

c) единогласно

60 000 000 долл. США за ущерб, касающийся природных ресурсов;

2) двенадцатью голосами против двух

постановляет, что общая сумма, причитающаяся по пункту 1 выше, подлежит выплате в виде пяти годовых платежей в размере 65 000 000 долл. США начиная с 1 сентября 2022 года;

ЗА: Председатель Донохью; Вице-Председатель Геворгян; судьи Абраам, Беннуна, Юсуф, Сюэ, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Салам, Ивасава, Нольте;

ПРОТИВ: судья Томка; судья *ad hoc* Доде;

3) единогласно

постановляет, что в случае задержки с оплатой проценты, причитающиеся после вынесения судебного решения, по годовой ставке в 6 процентов будут накапливаться на любую просроченную сумму начиная со дня, следующего за днем, в который причитался платеж;

4) двенадцатью голосами против двух

отклоняет ходатайство Демократической Республики Конго о том, чтобы расходы, понесенные ею в настоящем деле, несла Республика Уганда;

ЗА: Председатель Донохью; Вице-Председатель Геворгян; Judges Абраам, Беннуна, Юсуф, Сюэ, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Салам, Ивасава, Нольте;

ПРОТИВ: судья Томка; судья *ad hoc* Доде;

5) единогласно

отклоняет все прочие позиции, заявленные Демократической Республикой Конго.

*

Судья Томка приобщает к решению Суда заявление; судья Юсуф приобщает к решению Суда особое мнение; судья Робинсон приобщает к решению Суда особое мнение; судья Салам приобщает к решению Суда заявление; судья Ивасава приобщает к решению Суда особое мнение; судья *ad hoc* Доде приобщает к решению Суда несовпадающее особое мнение.

*

* *

Заявление судьи Томки

В своем заявлении судья Томка отмечает, что Суд не смог остановить участие Уганды в вооруженном конфликте на территории ДРК несмотря на его постановление от 1 июля 2000 года, в котором были единогласно указаны определенные временные меры. Он напоминает, что в своем решении по существу дела, вынесенном 19 декабря 2005 года, Суд установил, что Уганда нарушила основополагающую норму международного права, запрещающую применение силы в международных отношениях, и нарушила несколько обязательств, лежащих на ней согласно международному гуманитарному праву и международному праву прав человека.

Он указывает, что Суд установил, что «Уганда не выполнила постановление Суда о временных мерах от 1 июля 2000 года».

По мнению судьи Томки, размер компенсации, присужденной Судом, в частности за ущерб физическим лицам и ущерб имуществу, не отражает масштабы ущерба, который Уганда причинила ДРК и ее народу.

Судья Томка подчеркивает, что, как того требует пункт 1 статьи 56 Статута, в решении должны быть приведены соображения, на которых оно основано. Он сомневается, однако, в том, что Суд привел достаточные обоснования для того, чтобы читатель мог понять, как он пришел к конкретным суммам компенсации, установленной за различные виды ущерба.

Соглашаясь с первым, третьим и пятым пунктами постановляющей части решения, судья Томка проголосовал против второго пункта постановляющей части, в котором предписывается, что общая сумма компенсации, которую Уганда должна выплатить ДРК за ущерб, причиненный нарушениями Угандой международных обязательств, выплачивается в виде пяти платежей на протяжении периода в пять лет. Решение Суда, на его взгляд, не является справедливым по отношению к заявителю.

Он отмечает, что реальная стоимость компенсации, присужденной ДРК, неизбежно уменьшится с течением времени и не защищается решением Суда.

Судья Томка также не согласен с четвертым пунктом постановляющей части, который отклоняет ходатайство ДРК о том, чтобы расходы, понесенные ею в этом деле, несла Уганда. Он отмечает, что статья 64 Статута Суда наделяет Суд правом присуждать расходы, если он считает, что это будет уместно. У ДРК как жертвы незаконного применения силы с частью территории, оккупированной на протяжении длительного периода времени, и населением, испытывавшим тяжелые страдания, не оставалось никакого иного выбора, кроме как восстановить свои права в Суде. Он также подчеркивает, что Уганда не выполнила постановление Суда о временных мерах от 1 июля 2000 года, что привело к дальнейшим страданиям и убыткам для ДРК и ее народа.

По его мнению, эти обстоятельства говорят в пользу удовлетворения ходатайства ДРК о возмещении расходов. Судья Томка сожалеет о том, что начало фразы в статье 64 Статута — «[при] отсутствии иного определения» — остается мертвой буквой. Он высказывает мнение о том, что если какое-либо дело требует возмещения разумной суммы расходов заявителя на юридическое представительство, то именно это дело.

Особое мнение судьи Юсуфа

В своем особом мнении судья Юсуф разъясняет причины его несогласия с мотивировкой Суда, приведшей к определению «общих сумм», присужденных в виде компенсации, и, в отношении некоторых аспектов, к отсутствию надлежащего анализа или объяснения. Хотя судья Юсуф считает, что Суд пришел к в целом разумной сумме компенсации — несмотря на то, что убедительные доказательства не были предоставлены в его распоряжение, — он выражает несогласие с беспрецедентным доказательным бременем, возложенным на Уганду вследствие коренного изменения бремени доказывания, методологии, используемой для определения «общих сумм», и чрезмерно узкого подхода к репарациям.

Судья Юсуф не согласен с перекладыванием на ответчика бремени доказывания в отношении ущерба, предположительно причиненного в Итури, в силу чего Уганда должна доказать двойной негативный факт, а именно то, что ущерб, утверждаемый ДРК, не был причинен ее недостатками как оккупирующей державы. По его мнению, этот беспрецедентный стандарт не находит поддержки в практике Суда и не применяется последовательно к фактическим обстоятельствам дела или к оценке предполагаемого ущерба в вынесенном решении. По мнению судьи Юсуфа, такое несправедливое изменение бремени доказывания не согласуется с характером обязанности проявлять бдительность, возложенной на оккупирующую державу в качестве обязательства проявлять должную осмотрительность, а не обязательства результата, и распространяет сферу действия обязательства Уганды за пределы того, что требовалось от нее на основании статьи 43 Гаагских положений 1907 года, через посредство механизма ответственности. На его взгляд, можно было бы достичь

более сбалансированного результата, потребовав от Уганды доказательств того, что она приняла все необходимые меры в соответствии со своей обязанностью проявлять бдительность, и в этом случае на ДРК легло бы бремя опровержения доводов Уганды.

Судья Юсуф также не согласен с неоднократными ссылками по всему решению на «нормы права справедливости» и «пределы возможностей, указанных доказательствами» — неясный термин, сфера применения или значение которого не разъясняются нигде в вынесенном решении. Что касается отсутствия обоснования того, как именно «нормы права справедливости» использовались в решении, то судья Юсуф подчеркивает существенное различие между обращением к нормам права справедливости в пределах закона (справедливость *infra legem*) и определением компенсации *ex aequo et bono*, что требует согласия сторон в соответствии с пунктом 2 статьи 38 Статута. По его мнению, вынесенное решение, как представляется, опирается на нормы права справедливости вместо обоснованного анализа, который установил бы доказательства, представленные сторонами в подтверждение размеров ущерба, причиненного Угандой, и понятный метод определения стоимости этого ущерба. В отличие от этого вынесенное решение не содержит никаких аргументов для объяснения того, как пришли к этим «общим суммам» и на основе каких доказательств и какой методологии. Таким образом, создается впечатление, что Суд пришел к этим цифрам путем *ex aequo et bono*, а не на основе закона и доказательств.

Наконец, судья Юсуф не согласен с чрезмерно узким подходом, используемым в решении в отношении надлежащих форм репараций. Он сожалеет, что решение отражает устаревший, ориентированный на государство подход, напоминающий право дипломатической защиты, без учета того, что от ущерба, причиненного противоправными действиями Уганды, пострадали прежде всего люди. Судья Юсуф ссылается на недавние изменения в правах человека и международном гуманитарном праве, приведшие к широкому признанию того, что в обстоятельствах, подобных этим, репарация должна доставаться не только государству, но и потерпевшему человеку или потерпевшей общине в качестве бенефициаров обязательства, которое было нарушено. Универсальный подход к репарации в виде «общих сумм» не отдает должное ущербу, понесенному индивидуумами и общинами, и не согласуется с высказанной ДРК в ходе устных слушаний просьбой к Суду дать рекомендации относительно предоставления компенсации жертвам противоправных действий Уганды. По его мнению, Суд мог предусмотреть различные формы репарации, учитывая чувствительные моменты, связанные с такими категориями ущерба, такие как коллективные репарации, реабилитация и неденежная сатисфакция. Таким образом, достойно сожаления то, что Суд упустил возможность внести существенный вклад в развитие юриспруденции по вопросу о репарациях за ущерб в международном праве.

Особое мнение судьи Робинсона

1. Излагая свое мнение, судья Робинсон объясняет, что, хотя он проголосовал за присуждение Судом суммы в 225 млн долл. США в качестве компенсации за ущерб физическим лицам, он хочет высказать несколько замечаний относительно

того, какую мотивировку использовал Суд, приходя к этой сумме, и относительно трактовки им стандарта доказывания на этапе репараций.

2. Во-первых, он касается подхода Суда к присуждению компенсации. В этой связи он объясняет, что такой вид ущерба, как ущерб физическим лицам, имеет пять категорий ущерба. В отношении каждой категории, проанализировав размер и стоимость вреда или ущерба, Суд постановил присудить компенсацию за каждую категорию ущерба как часть общей суммы. Он отмечает, что Суд не установил компенсацию за каждую категорию ущерба и в конечном итоге присудил то, что он назвал общей суммой в размере 225 млн долл. США за ущерб физическим лицам.

3. Судья Робинсон отмечает, что использование Судом концепции общей суммы является беспрецедентным в его работе. Он отмечает, что в деле *Пролив Корфу* Суд присудил в качестве компенсации итоговую сумму, отражающую совокупность конкретных решений о присуждении, которые он вынес по каждому из трех видов ущерба. Он заявляет, что в деле *Амаду Садио Диалло* Суд присудил итоговую сумму, которая отражала совокупность сумм, присужденных им за каждый из трех видов ущерба. Помимо этого, в деле *Некоторые мероприятия* Суд также присудил итоговую сумму компенсации, отражающую совокупность конкретных решений о присуждении, которые он вынес по каждому из двух видов ущерба. По мнению судьи Робинсона, в данном деле, следовательно, Суд оказался в «дивном новом мире» в том, что касается подхода, который он применил, вынося окончательное решение в отношении пяти категорий ущерба, не определив до этого конкретные суммы, присужденные по этим пяти категориям.

4. Как отмечает судья Робинсон, то, что Суд полагается на решение Комиссии по претензиям Эритреи и Эфиопии (КПЭЭ или Комиссия), является полностью неуместным. Он поясняет, что, согласно заявлению Суда, в делах с массовыми людскими потерями в результате вооруженного конфликта «судебные или иные соответствующие органы присуждают общую сумму за определенные категории ущерба на основе имеющихся в их распоряжении доказательств». Он отмечает, что Суд затем ссылается на окончательное решение КПЭЭ по делу *Претензии Эритреи о возмещении ущерба* (2009 год). Он замечает, что, хотя формулировка в этом пункте не означает, что Суд имел в виду то, что КПЭЭ использовал термин «общая сумма», необходимо уточнить, что этот термин не используется Комиссией ни в одной части ее решения. По его мнению, изучение этого решения показывает, что КПЭЭ не сделала ничего, что хотя бы отдаленно напоминало то, что Суд сделал в этом деле. КПЭЭ присудила компенсацию в виде конкретной суммы за каждую категорию ущерба и затем вынесла окончательное решение, отражавшее совокупность этих конкретных сумм, которую она назвала «суммарной денежной компенсацией».

5. По мнению судьи Робинсона, Суду следовало бы вынести конкретное решение о компенсации в отношении каждой категории ущерба. Он заявляет, что такой порядок следования сделал бы более понятным окончательное решение Суда о компенсации. По его мнению, если бы Суд придерживался этого подхода, присужденную сумму за каждую категорию ущерба, такую как изнасилования, вынесенную на основе оценки им размеров ущерба, не следовало бы рассматривать как часть общей

суммы, поскольку неизбежно то, что в делах с массовыми людскими потерями используется подход, отражающий совокупность противоправности, касающейся какой-то конкретной категории ущерба, а не специфика отдельных деяний, составляющих эту совокупность.

6. Судья Робинсон также высказывает замечания в отношении концепции присуждения компенсации в виде общей суммы в пределах возможностей, указанных доказательствами. Он сравнивает подход Суда к присуждению компенсации в пределах возможностей, указанных доказательствами, с подходом в решении КПЭЭ по делу *Претензии Эритреи о возмещении ущерба*. Он отмечает, что можно выделить четыре момента касательно того, как Комиссия использует термин «в пределах возможностей, указанных доказательствами», которые отличают его от подхода Суда.

7. Во-первых, Комиссия старательно определяет контекст, в котором можно использовать концепцию присуждения компенсации в пределах возможностей, указанных доказательствами: i) количественная оценка возмещения за серьезные нарушения международного права, приводящие к нанесению вреда отдельным лицам, требует проявлений рассудительности и приближенного представления, в особенности в отношении массовых конфликтов, которые неизбежно приводят к неопределенностям в том, что касается размеров и оценки стоимости вреда; ii) с учетом этого конкретного контекста на этапе репараций действует более низкий стандарт доказывания; iii) при применении этого более низкого стандарта доказывания суд или трибунал «обязан определить надлежащую компенсацию, даже если этот процесс связан с приблизительным расчетом или предположениями в пределах возможностей, указанных доказательствами»; и iv) компромиссный вариант для суда или трибунала, опирающегося на приблизительные расчеты или предположения касательно компенсации, причитающейся в случае массовых людских потерь, таких как в случае войны, заключается в том, что размер компенсации может быть уменьшен. По мнению судьи Робинсона, использование Судом этой концепции не демонстрирует никакой восприимчивости к этому контексту, который Комиссия столь старательно установила для своего собственного использования. В частности, он доказывает, что Суд не проявил никакой восприимчивости к взаимосвязи между использованием этой концепции и более низким стандартом доказывания на этапе репараций. По его мнению, в значительном большинстве случаев, когда Суд устанавливает, что доказательства не позволяют ему даже приблизительно определить размеры вреда, доказательства таковы, что, если бы Суд был восприимчив к более низкому стандарту доказывания, он был бы в состоянии путем приблизительных расчетов или предположений определить размеры и стоимость ущерба; по его мнению, подход Суда не демонстрирует никакой восприимчивости к снижению суммы компенсации в порядке компромисса за «неопределенности, обусловленные более низким стандартом доказывания».

8. Во-вторых, судья Робинсон отмечает, что именно в этом особом контексте и на этом особом фоне следует толковать фразу «в пределах возможностей, указанных доказательствами». Он поясняет, что Комиссия не имеет широких полномочий в отношении приблизительных расчетов или предположений, которыми ей разрешено заниматься; она, скорее, должна выполнять свои функции с учетом доказательств,

но при этом она рассматривает возможные оценки доказательств и проявляет рассудительность в том, что касается понимания ценности доказательств, что позволяет ей оценивать размеры и стоимость ущерба. Как отмечает судья Робинсон, подход Комиссии заключается в том, что приблизительные расчеты или предположения должны осуществляться в пределах возможностей, указанных доказательствами; иными словами, пределы возможностей, указанных доказательствами, действуют как сдерживающий фактор или сдерживающее средство применительно к обстоятельствам, в которых можно обращаться к приблизительным расчетам или предположениям, которые представляют собой всего лишь метод приблизительного исчисления компенсации.

9. В-третьих, судья Робинсон отмечает, что цель, с которой Комиссия использует концепцию «в пределах возможностей, указанных доказательствами», представляется совершенно иной, чем та цель, с которой ее использует Суд. Он отмечает, что Комиссия излагает свое понимание этой концепции в начале своего решения о присуждении. Хотя она не делает никакой явной ссылки на эту концепцию при анализе любой из категорий ущерба, по его мнению, можно с полной уверенностью предположить, что ее анализ, касающийся компенсации, обусловлен этой концепцией, как она изложена в начале решения о присуждении. В этой связи он отмечает, что Комиссия определяет конкретную сумму за каждую категорию ущерба в пределах возможностей, указанных доказательствами. С другой стороны, хотя Суд и претендует на использование концепции «в пределах возможностей, указанных доказательствами», он воздерживается от установления какой-то конкретной суммы в качестве компенсации за каждую категорию ущерба. Соответственно, судья Робинсон приходит к заключению, что Суд применил эту концепцию не так, как она использовалась Комиссией. На его взгляд, это различие объясняется тем, что Суд использует общую сумму — концепцию, которая, как представляется, не позволяет конкретно определять сумму компенсации за ту или иную категорию ущерба. Он приходит к выводу о том, что в той степени, в какой используемая Судом концепция общей суммы не предусматривает примерную оценку компенсации за каждую категорию ущерба, она не соответствует концепции компенсации, применяемой Комиссией и предполагающей приблизительный расчет или предположения в пределах возможностей, указанных доказательствами.

10. В-четвертых, как отмечает судья Робинсон, представляется, что, в отличие от Комиссии, Суд не считает, что он обязан установить соответствующую компенсацию, даже если он должен для этого использовать приблизительный расчет или предположения в пределах возможностей, указанных доказательствами. По словам судьи Робинсона, странно, что Суд ухватился за последнюю часть компетентного заявления Комиссии — в пределах возможностей, указанных доказательствами, — но игнорирует первую часть, в которой говорится об обязательстве установить надлежащую компенсацию путем приблизительного расчета или даже посредством предположений. Он высказывает точку зрения о том, что подход Комиссии требует действий со стороны трибунала для установления надлежащей компенсации пусть даже посредством приблизительных расчетов или предположений, но ограничивает эти действия. Он заявляет, что, игнорируя это обязательство, Суд не придерживается подхода Комиссии в девяти случаях, когда в вынесенном решении используется

фраза «в пределах возможностей, указанных доказательствами». Он отмечает, что, как представляется, Суд все еще ищет в доказательствах точность, которую не требует закон. Он высказывает мнение о том, что Суд, как представляется, не признает, что количественная оценка ущерба в ситуациях массовых людских потерь, являющихся следствием войны, требует того, что Комиссия называет «проявлениями рассудительности и приближенного представления». Он заключает, что, к сожалению, Суд, как представляется, подходит к вопросу о надежности доказательств для цели определения размеров и стоимости вреда или ущерба со строгостью страховщика, рассматривающего требование о возмещении убытков в результате дорожно-транспортного происшествия между двумя автомашинами.

11. Затем судья Робинсон рассматривает вопросы, возникшие в процессе понимания концепции общей суммы, используемой Судом. Он отмечает, что компенсация базируется на определении размеров вреда или ущерба и на его стоимостной оценке. Как считает судья Робинсон, если определение размеров вреда или ущерба является неправильным, то компенсация, основанная на стоимостной оценке, будет также неправильной. Он отмечает, что, поскольку Суд присуждает компенсацию за каждую категорию ущерба как часть общей суммы, разумно ожидать, что после сложения совокупная величина этих пяти частей составит общую сумму в 225 млн долл. США. На его взгляд, по сути дела, подход Суда требует добавления конкретного числа людей из того диапазона, который установлен для категории, касающейся гибели людей и перемещения населения, к тому, что названо «существенным числом» применительно к изнасилованиям и сексуальному насилию, равно как и к ущербу физическим лицам. Вместе с тем он заявляет, что нельзя добавить определенное и точное количество, которое может быть установлено в пределах этих двух диапазонов, к чему-то, что является настолько неопределенным и неточным, как «существенное число», и получить общую сумму в 225 млн долл. США. По его мнению, этот вопрос становится еще более сложным в силу того, что в отношении вербовки и использования детей-солдат Суд заявляет, что есть какой-то диапазон, но не определяет этот диапазон. Он отмечает, что, хотя две цифры — 1800 и 2500 — указаны в пункте 204 в отношении вербовки детей-солдат, нет никаких указаний на то, что эти цифры могут составить диапазон. Он выражает мнение о том, что подход Суда был бы более понятным, если бы он определил диапазон в отношении всех пяти категорий ущерба. Он заключает, что, к сожалению, поскольку оценка Судом размеров вреда уязвима для критики, его общая сумма присужденной компенсации в 225 млн долл. США также находится под вопросом.

12. Судья Робинсон отмечает, что Суд не объясняет концепцию общей суммы. Как считает судья Робинсон, хотя эта концепция, как она разработана Судом, наводит на мысль о том, что сложение пяти частей в отношении категорий ущерба даст общую сумму, проведенный анализ показывает, что эти пять частей не поддаются сложению. Он заявляет, что, так или иначе, использование Судом концепции общей суммы, как представляется, не позволяет конкретно определить компенсацию за каждую категорию ущерба; если бы она позволяла сделать это, окончательно присужденная сумма не была бы общей. Он доказывает, что дилемма заключается в том, что в отсутствие присужденной суммы за каждую категорию ущерба общую сумму трудно понять, и представляется, что она возникла из ниоткуда. На его взгляд, общая

сумма несовместима с конкретным определением компенсации за каждую категорию ущерба, а без такого определения она недоступна пониманию. Он заявляет, что еще одна сложность состоит в том, что, поскольку компенсация присуждается за каждую из пяти категорий ущерба как *часть* общей суммы, очевидно, что общая сумма может быть разделена, а это означает, что она может быть дезагрегирована, в результате чего сумма теряет свой общий характер.

13. По словам судьи Робинсона, заявляя, что Суд может, в порядке исключения, присудить компенсацию в виде общей суммы, Суд признает, что более обычная практика состоит в том, чтобы окончательная сумма компенсации отражала совокупность конкретных сумм, присуждаемых за каждую категорию ущерба. По мнению судьи Робинсона, дело *ДРК против Уганды* не является подходящим делом для отхода от более обычной практики. Речь идет о деле, в котором Суд установил, что одна сторона совершила нарушения не только международного гуманитарного права, но и международного права прав человека, что служит основанием для требований о компенсации за гибель людей, нанесение телесных повреждений людям, изнасилования и сексуальное насилие, вербовку и использование детей-солдат, равно как и перемещение населения. Каждая категория ущерба является уникальной и имеет свои особенные характеристики, что оправдывает индивидуальное рассмотрение Судом при присуждении компенсации. Уникальность и специфичность каждой категории ущерба теряются при присуждении общей суммы за все пять категорий. Например, учитывая то значение, которое международное право прав человека придает праву на жизнь — оно является основой для осуществления всех других прав человека и составляет первую статью Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, — неуместно присуждать сумму в порядке компенсации не только за гибель людей, но и за какую-то другую категорию ущерба, такую как перемещение населения. Нет никакого оправдания для смешивания присуждения компенсации за гибель людей с присуждением компенсации за любую иную категорию ущерба.

14. Рассмотрев прецедентное право Суда и других международных судов, судья Робинсон приходит к заключению, что элементами принципа, касающегося норм права справедливости, являются благоразумие, гибкость, рассудительность, приближенный расчет и справедливость. Обращаясь к принципу норм права справедливости, он высказывает мнение о том, что, если бы Суд применил принцип норм права справедливости, он был бы в состоянии определить конкретную сумму компенсации практически по каждому аспекту, по которым ДРК подала иск о компенсации. В связи с этими аспектами Суд имел в своем распоряжении полученные от ДРК доказательства в отношении размеров вреда или ущерба и стоимостную оценку вреда или ущерба. Он также имел в своем распоряжении доказательства, полученные от его собственных экспертов, а также от органов Организации Объединенных Наций и неправительственных организаций. Всякий раз, когда Суд имеет в своем распоряжении доказательства такого рода, заключает судья Робинсон, он всегда может взвесить различные предложения сторон и других субъектов и определить сумму компенсации на основе норм права справедливости. Даже если Суд имеет доказательства от заявителя и ответчика или даже только от одной стороны, активно

занимаясь изучением этих доказательств, он в состоянии определить сумму компенсации на основе норм права справедливости. Дело не в том — как утверждает Суд в отношении гибели людей, нанесения телесных повреждений людям и изнасилования, — что доказательства не позволили ему даже приблизительно подсчитать количество людей или соответствующий ущерб. Эритрея и Эфиопия, подобно ДРК и Уганде, являются бедными развивающимися странами с относительно ограниченными объектами инфраструктуры, и поэтому нет ничего удивительного в том, что, за исключением доказательств ущерба зданиям, доказательства, имевшиеся в распоряжении КПЭЭ, были того же качества, что и доказательства в Суде. Тем не менее, КПЭЭ сочла возможным в отношении всех исков, кроме тех, которые были оставлены без удовлетворения за отсутствием доказательств, установить сумму компенсации на основе разумной оценки.

15. Как отмечает судья Робинсон, Суду следовало быть более активным и в большей мере заинтересованным в установлении компенсации путем привнесения своего собственного определения размеров и стоимостной оценки вреда или ущерба. Суд, как представляется, видит себя играющим пассивную роль в качестве получателя представлений сторон и доказательств в целом. В отличие от Комиссии, он не считает, что он «обязан определить надлежащую компенсацию, даже если этот процесс связан с приблизительным расчетом или предположениями в пределах возможностей, указанных доказательствами». Дело *Некоторые мероприятия* служит прецедентом, свидетельствующим о том, насколько активно Суд занимался определением компенсации. В этом деле Суд отверг методологии, предложенные обеими сторонами для установления компенсации за ущерб окружающей среде, и предложил свою собственную методологию, хотя и заимствованную в некоторых отношениях из методологий сторон. Именно на основе его собственной методологии Суд присудил компенсацию Коста-Рике исходя из норм права справедливости. Таким образом, если бы Суд определил компенсацию на основе норм права справедливости, он был бы в состоянии присудить конкретную сумму в виде компенсации за каждую категорию ущерба.

16. Обращаясь к стандарту доказывания, судья Робинсон заявляет, что Суд справедливо заключил, что на этапе рассмотрения дела по существу стандарт доказывания выше, чем на этапе репараций. Однако он не определяет в ясной форме более низкий стандарт, применимый к этапу репараций. Это упущение можно было бы проигнорировать, если бы выводы Суда по вопросам компенсации согласовывались с использованием более низкого стандарта доказывания.

17. По мнению судьи Робинсона, есть случаи, когда Суд использовал стандарт доказывания, не внушающий доверия, поскольку более низкий стандарт должен был бы использоваться в отношении размеров или стоимостной оценки вреда или ущерба. Например, он цитирует пункт 163, который гласит: «[что] касается оценки стоимости, то Суд считает, что ДРК не представила убедительных доказательств своего требования, согласно которому средняя сумма, присуждаемая конголезскими судами семьям жертв военных преступлений, составляет 34 000 долл. США»; и пункт 180, который гласит: «ДРК не представила убедительных доказательств того, что эти цифры взяты из средних сумм, присуждаемых конголезскими судами в

контексте совершения серьезных международных преступлений»; другие случаи изложены в заключении.

18. Как считает судья Робинсон, это примеры случаев, когда Суд отверг иски на том основании, что доказательства не были убедительными. Это слишком высокий стандарт для этапа репараций. Примечательно то, что на этапе рассмотрения дела по существу Суд использовал стандарт убедительных доказательств в отношении вопросов ответственности. Например, пункт 72 решения 2005 года гласит: «Суд должен вначале установить, какие относящиеся к делу факты он рассматривает как убедительно установленные доказательствами и какие, таким образом, подпадают под проверку со ссылками на применимые нормы международного права»; пункт 210 гласит: «Суд устанавливает, что имеются убедительные доказательства подготовки в учебных лагерях УПДФ детей-солдат и неспособности УПДФ предотвратить вербовку детей-солдат в районах под их контролем». Судья Робинсон приходит к заключению, что есть и другие примеры того, что Суд использует стандарт убедительных доказательств на этапе рассмотрения дела по существу. Из этого следует, что, если убедительные доказательства являются правильным стандартом доказывания для этапа рассмотрения по существу, то они не могут быть правильным стандартом для этапа репараций, на котором этот стандарт ниже. Наконец, судья Робинсон высказывает замечания о макроэкономическом ущербе, приходя к выводу о том, что такой ущерб подлежит возмещению согласно международному праву.

Заявление судьи Салама

В своем заявлении судья Салам указывает, что, хотя он поддерживает принципы и нормы, применимые к оценке репараций, установленных Судом, он по-прежнему убежден в том, что в данном деле можно было бы более действенно применить эти принципы, с тем чтобы предоставить ДРК более справедливую и удовлетворительную репарацию. И действительно, он считает, что в таком разбирательстве, как это, которое касается предоставления репарации после того, как ранее был установлен факт массовых нарушений прав человека и серьезных нарушений международного права, Суду следует проявлять разумную гибкость в вопросах доказывания, с тем чтобы быть в состоянии обеспечить справедливую репарацию.

Таким образом, судья Салам сожалеет, что, несмотря на напоминания о конкретном контексте данного дела и о трудностях с доказыванием, которые случаются в ситуациях вооруженного конфликта, Суд не сделал все необходимые выводы и, в сущности, продемонстрировал определенную жесткость и чрезмерный формализм при оценке размеров ущерба и определении причитающейся репарации, в особенности в отношении вреда, причиненного физическим лицам и имуществу. В этой связи он считает, что Суд был суров при оценке доказательств, представленных ДРК, на недостатки которых он не преминул указать, тем самым проигнорировав продолжение конфликта в этой стране с разной степенью интенсивности, даже после вынесения решения 2005 года. Судья Салам считает, что Суд мог бы придерживаться более сбалансированного подхода в конкретном контексте данного дела, сделав необходимые выводы из неспособности Уганды как оккупирующей державы в Итури

установить факты в отношении района конголезской территории, находившегося под ее контролем.

Судья Салам также критикует подход, которого придерживался Суд при выделении компенсации, причитающейся ДРК. В частности, он критикует вынесенное решение за то, что в нем не излагается ясно метод, использованный для исчисления присужденной компенсации, и за то, что оно ограничивается «общими» суммами, которые не проводят различия между разными видами ущерба в рамках каждой из различных категорий вреда. Такой подход является проблематичным для судьи Салама постольку, поскольку он не допускает использования подхода, сфокусированного на жертвах, группах жертв и общинах, которые должны быть конечными бенефициарами репараций. Отдавая предпочтение дискреционному присуждению «общих» сумм, Суд оставляет открытой дверь для произвольного распределения репарации в ДРК.

Особое мнение судьи Ивасава

В своем особом мнении судья Ивасава излагает свои воззрения по двум аспектам вынесенного решения: опору на норму права справедливости и упоминание уголовного расследования и преследования.

Когда имеют место массовые нарушения в контексте вооруженного конфликта, судебные и другие органы присуждают компенсацию на основе имеющихся в их распоряжении доказательств. Судья Ивасава объясняет, что ввиду масштабов и сложности вооруженного конфликта в ДРК и исходя из того, что большой объем доказательств был уничтожен или стал недоступным, Суд использует тот же подход в данном деле и присуждает компенсацию «в виде общей суммы в пределах возможностей, указанных доказательствами, и с учетом норм права справедливости».

Судья Ивасава подчеркивает, что Суд решает это дело в соответствии с международным правом, а не *ex aequo et bono*. Суд определил общую сумму на основе правовых принципов и норм, применимых к оценке репараций. По его мнению, хотя Суд, будучи судом общего права, обязан дать количественное определение ущерба на основе имеющихся у него доказательств, он в равной степени обоснованно принимает во внимание нормы права справедливости.

Судья Ивасава приводит ряд примеров того, как международные суды и трибуналы используют справедливость *infra legem* при определении суммы компенсации. Справедливость *infra legem* означает право судов выбирать среди возможных толкований закона такое толкование, которое приводит к самому справедливому результату. Международные суды имеют присущее им право применять справедливость *infra legem* без специального разрешения сторон. Судья Ивасава подчеркивает, что учет норм права справедливости при присуждении общей суммы указывает на применение справедливости *infra legem*, и его нельзя смешивать с решением *ex aequo et bono*.

Затем судья Ивасава обращается к вопросу об уголовном расследовании и преследовании офицеров и солдат УПДФ. Согласно Международному пакту о гражданских и политических правах, уголовное расследование и, в соответствующих случаях, преследование являются необходимыми средствами правовой защиты в случае нарушений прав человека, охраняемых статьями 6 (право на жизнь) и 7 (право не подвергаться пыткам). Судья Ивасава считает, что Суд мог бы привести это в качестве еще одной причины отклонить ходатайство ДРК о сатисфакции в виде уголовного расследования и преследования. Он отмечает, что это толкование Пакта соответствует толкованию, которое обычно используется в юриспруденции Комитета по правам человека — органа, созданного на основании Пакта для контроля за его осуществлением.

Несовпадающее особое мнение судьи *ad hoc* Доде

В своем несовпадающем особом мнении, приложенном к решению, судья *ad hoc* Доде объясняет, что он не разделяет мнение большинства в отношении того, как была рассчитана компенсация, или в отношении суммы репарации, присужденной за причиненный людям ущерб.

Хотя он дает высокую оценку Суду за проделанную им большую работу при установлении того, что, по его мнению, является самой справедливой возможной компенсацией за различные виды ущерба, он выражает сожаление по поводу того, что это решение не имеет побудительной силы решения по существу дела, вынесенного сторонам 19 декабря 2005 года. По его мнению, подход Суда в ходе настоящего разбирательства не соответствует решению 2005 года, поскольку его порой чрезмерно жесткая позиция препятствует предоставлению компенсации, в большей мере согласующейся с обязанностями, столь четко определенными Судом в 2005 году.

Судья *ad hoc* Доде обращает также внимание на явную нестыковку между частями II и III решения. Хотя он охотно соглашается с ходом дискуссии об общих соображениях доказывания, изложенных Судом в части II, он считает, что часть III, которая задумывалась как своего рода применение заявленных принципов, отдалена от этих принципов и не согласуется с ними. Это побудило Суд принять то, что он рассматривает как особенно консервативные уровни компенсации, особенно за ущерб физическим лицам.

Хотя судья *ad hoc* Доде понимает необходимость проявления осторожности в подобном деле, он также считает, что можно было бы в большей мере учесть конкретный контекст и обстоятельства данного дела. Он отмечает, однако, что, хотя Суд обратил внимание на эти факторы, он не полностью привел их в действие при количественном определении ущерба. Таким образом, он сожалеет о строгости, проявленной Судом, который, на его взгляд, мог бы придерживаться иного подхода при оценке воздействия течения времени на способность ДРК собрать точные доказательства в отношении событий, происшедших более 20 лет назад. Все эти соображения оправдывали бы некоторую снисходительность и гибкость в части III решения.

В несовпадающем особом мнении также содержится критика вынесенного решения, ограничившегося очень буквальным толкованием пункта 260 решения 2005 года. По мнению судьи *ad hoc* Доде, ссылаясь в этом пункте на «точный ущерб», понесенный ДРК, и «конкретные действия» Уганды, Суд не намеревался придать более жесткие условия принципу полной репарации за ущерб, причиненный международно противоправными деяниями. Он сожалеет о том, что Суд, тем не менее, отдал предпочтение строгому прочтению этого пункта, схожему с его толкованием Угандой, чьи жесткие требования уменьшили перспективы учета местной ситуации, обстоятельств, привычек или обычаев.

Наконец, что касается суммы репарации за ущерб физическим лицам, то судья *ad hoc* Доде не понимает, почему Суд выбрал самую маленькую цифру из значительного диапазона количества жертв, хотя признается, что эта цифра, возможно, занижена. Он полагает, что, принимая это решение, Суд, возможно, руководствовался нормами права справедливости, ссылка на которые была уместной в попытке лучше обозначить основы для компенсации. Он также сожалеет о том, что Суд выбрал общую сумму, охватывающую широкий круг видов ущерба без какого-либо различия, что делает невозможным оценку доли компенсации, приходящейся на каждый из них. По его мнению, это затрудняет в некоторых отношениях применение принципа, выраженного Судом в пункте 102 его решения, а именно то, что «любая репарация предназначена, насколько это возможно, для того, чтобы пойти на пользу всем, кто понес ущерб в результате международно противоправных деяний».

В заключение своего мнения судья *ad hoc* Доде выражает свое разочарование по поводу того, что провал переговоров между этими двумя странами помешал урегулированию вопроса о репарациях после принятия решения 2005 года. Он убежден в том, что, если бы можно было провести добросовестные переговоры, они могли бы выдвинуть на первый план основные принципы, которые, возможно, привели бы к большей по размерам и более справедливой компенсации. Он выражает надежду на то, что, несмотря на любое разочарование со стороны ДРК, эти два государства возобновят мирные отношения, к которым стремятся их народы, в максимально короткие сроки.